

И.И. Успенский

Вопрос о пребывании св. апостола
Иоанна Богослова в Малой Азии

Опубликовано:
Христианское чтение. 1879. № 3-4. С. 279-332.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Вопросъ о пребываніи св. апостола Іоанна Богослова въ Малой Азіи

(Статья вторая ¹⁾ и послѣдняя).

Въ ряду положительныхъ свидѣтельствъ относительно факта пребыванія ап. Іоанна въ Малой Азіи первое мѣсто какъ по хронологическому порядку, такъ особенно по своей важности, занимаетъ книга *Апокалипсисъ*. Эта книга новозавѣтнаго пророчества должна убѣдить всякаго, даже очень строгаго, но безпристрастнаго критика въ томъ, что пребываніе и дѣятельность ап. Іоанна въ Малой Азіи фактъ несомнѣнный, дѣйствительно-историческій, а не легенда, не фикція, не тенденціозное произведеніе малоазійскихъ церковей II в., нуждавшихся будто бы въ своемъ апостолѣ — органѣ чистаго преданія, какъ утверждаетъ Кеймъ. Хотя апокалиптикъ Іоаннъ, говоря о бывшемъ ему откровеніи, не приписываетъ себѣ названія *апостола*, а просто называетъ себя рабомъ І. Христа (I, 1), — такимъ именемъ, которое не опредѣляетъ, кто былъ этотъ Іоаннъ, апостолъ или нѣтъ, такъ какъ названіе „рабъ І. Христа“ прилично какъ апостолу (2 Петр. I, 1; Іуды I; ап. Павелъ называетъ себя такъ почти во всѣхъ посланіяхъ), такъ и всякому христіанину; но, не называя себя апостоломъ, апокалиптикъ тѣмъ не менѣе характеризуетъ себя такими чертами, которыя очень опредѣленно говорятъ объ его апостольствѣ. Назвавъ себя рабомъ, Іоаннъ ближе и точнѣе опредѣляетъ свое специальное служеніе своему Господину: „и Онъ (І. Христъ) показалъ (откровеніе), пославъ оное чрезъ ангела своего рабу своему Іоанну,

¹⁾ Первая статья помѣщена въ предъидущей книжкѣ Хр. Чт. за этотъ годъ. Христ. Чтен. № 3—4. 1879 г.

который свидѣтельствовалъ слово Божіе и свидѣтельство І. Христа и что онъ видѣлъ“. Очевидно, что въ этихъ словахъ заключается не намекъ только, но и рѣшительное указаніе апокалиптика на свое апостольское достоинство, указаніе на то, что этотъ „рабъ“ не простой рабъ, а проповѣдникъ слова Божія, самовидецъ жизни и дѣлъ Проповѣданнаго. Особенно это указаніе апокалиптика на себя, какъ на самовидца того, что онъ проповѣдывалъ, въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, было свойственно только ап. Іоанну, который и въ Евангеліи, и въ 1-мъ посланіи, какъ на главное доказательство достовѣрности всего имъ написаннаго и сказаннаго, ссылается на то же, на что и апокалиптикъ (Ев. I, 14; 1 Іоан. I, 1). Далѣе мы читаемъ въ Апокалипсисѣ: „Іоаннъ семи церквамъ, находящимся въ Азіи — благодать вамъ и миръ“ (I, 4). „Я, Іоаннъ, братъ вашъ и соучастникъ въ скорби, и въ царствіи, и въ терпѣніи Іисуса Христа, былъ на островѣ“ (I, 9). Этотъ авторитетный тонъ рѣчи, это „я Іоаннъ“, направленное не къ одному лицу, не къ частному какому нибудь обществу, не къ одной даже какой нибудь церкви, а къ семи церквамъ, это сознаніе высоты и важности своего положенія по отношенію ко всей Церкви и особенной близости своего отношенія ко Христу, — все это несомнѣнно свойственно и прилично только апостолу. Но этотъ апостольскій авторитетъ, эта сила рѣчи, выражающаяся въ повелительной формѣ, въ рѣшительныхъ и строгихъ приговорахъ, еще опредѣленнѣе выступаютъ въ апокалиптическихъ посланіяхъ къ семи церквамъ М. Азіи и еще убѣдительнѣе говорятъ, что Іоаннъ-апокалиптикъ есть Іоаннъ апостоль. Не требуется даже особенной внимательности при чтеніи этихъ посланій къ семи малоазійскимъ церквамъ, чтобы убѣдиться изъ нихъ, что такъ говорить, какъ говорить апокалиптикъ, могъ только апостоль, — такъ рѣшительно видна въ этихъ посланіяхъ и благословляющая, и угрожающая, словомъ — управляющая, попечительная рука, такъ ясно слышенъ въ нихъ апостольскій голосъ, такъ рельефно выступаетъ апостольскій авторитетъ! Наконецъ, можно вмѣстѣ съ Герике ¹⁾ указать и на то обстоятельство, что

¹⁾ Введ. въ Н. З. кн. русск. пер. § 26, III.

самъ ангелъ Господень называетъ себя „сослужителемъ Іоанна“, сослужителемъ не въ общемъ смыслѣ, какъ сослужитель всякаго человѣка или христіанина, а какъ специальныйъ служитель пророковъ и его, Іоанна, „брата“ пророковъ.

Если опредѣленіе того, кто былъ Іоаннъ писатель Апокалипсиса, требовало высказанныхъ нами замѣчаній и указаній, то вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находился новозавѣтный пророкъ къ церквамъ Малой Азіи, не требуетъ даже и такихъ краткихъ объясненій для своего рѣшенія. Непосредственная близость апокалиптика къ малоазійскимъ церквамъ такъ ясна, тѣсная, органическая, такъ сказать, связь Патмоса съ малоазійцами такъ очевидна изъ тѣхъ же посланій перваго къ послѣднимъ, знакомство тайнозрителя со всѣми обстоятельствами церковной жизни малоазійскихъ христіанъ, знаніе мельчайшихъ подробностей этой жизни и характеристическихъ особенностей каждаго изъ упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ обществъ, знаніе не только внѣшнихъ событій религіозно-нравственной жизни, но даже внутреннихъ, сокровенныхъ помысловъ ихъ, которое (знаніе) проглядываетъ въ каждомъ почти словѣ первыхъ трехъ главъ Апокалипсиса, все это дѣлаетъ фактъ пребыванія апокалиптика Іоанна въ Малой Азіи несомнѣннымъ и не требующимъ никакого доказательства. Такимъ образомъ Апокалипсисъ ясно и рѣшительно говоритъ намъ, что Іоаннъ, бывшій на Патмосѣ и получившій тамъ откровеніе, былъ не кто иной, какъ Іоаннъ апостоль, и что онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ малоазійскимъ христіанамъ, что онъ именно жилъ въ Малой Азіи и жилъ продолжительное время.

Въ виду важности самосвидѣтельства апокалиптика и, по нашему убѣжденію, ап. Іоанна за свое малоазійское пребываніе, мы не можемъ пройти молчаніемъ гипотезъ, старающихся объяснить написаніе Апокалипсиса помимо ап. Іоанна, не можемъ не войти въ болѣе или менѣе подробное ихъ разсмотрѣніе. Такихъ гипотезъ двѣ. Одна считаетъ Апокалипсисъ малоазіатскимъ, но не апостольскимъ произведеніемъ, т. е. не признаетъ апокалиптика Іоанна за апостола Іоанна. Эта гипотеза очевидно лишаетъ Апокалипсисъ того значенія, какое онъ имѣетъ въ рѣшеніи вопроса

о малоазійскомъ пребываніи ап. Іоанна; по этой гипотезѣ апокалиптикъ Іоаннъ дѣйствительно находился въ тѣсной связи съ церквами Малой Азіи, но былъ ли въ М. Азіи ап. Іоаннъ?—на этотъ вопросъ Апокалипсисъ не можетъ дать никакого отвѣта. Такое мнѣніе о происхожденіи Апокалипсиса принадлежитъ той партіи ученыхъ, которая, считая 4-е Евангеліе подлиннымъ произведеніемъ ап. Іоанна, не признаетъ возможнымъ приписать тому же апостолу Апокалипсисъ и въ апокалиптикъ видитъ не ап. Іоанна, а Іоанна пресвитера ¹⁾).

Относительно этой гипотезы прежде всего нужно замѣтить, что самая личность пресвитера Іоанна, насколько о ней извѣстно изъ преданія, довольно сомнительная. Единственное свидѣтельство, которое даетъ поводъ говорить о пресвитерѣ Іоаннѣ,—мѣсто изъ сочиненія Папія, сохранившееся у Евсевія, чрезвычайно неопредѣленно и даетъ мѣсто только догадкамъ и предположеніямъ, противорѣчающимъ одно другому. Довольно указать на то, что нѣкоторыми оспаривается даже, на основаніи того же свидѣтельства Папія, самое существованіе пресв. Іоанна, какъ личности, отдѣльной отъ ап. Іоанна ²⁾).

„Пресвитеръ Іоаннъ, говоритъ Ренанъ, подобно привидѣнію, тормозитъ всю исторію ефесской церкви и служитъ для критиковъ причиною столь многихъ затрудненій. Нельзя, говорить о нѣмъ далѣе, опровергнуть совершенно догадку тѣхъ, которые видятъ въ немъ только тѣнь ап. Іоанна, которую принимали за дѣйствительное бытіе“ ³⁾).

Но признавая даже самостоятельное существованіе пресвитера

¹⁾ Гитцигъ въ 1843 году высказалъ мнѣніе, что Апокалипсисъ написанъ Іоанномъ Маркомъ; но эта мысль, какъ мало-правдоподобная, не нашла себѣ ни сочувствія, ни подражанія.

²⁾ Цанъ (Stud. und Kritik. 1866 г. 4 Н. § 649), Риггенбахъ (Jahrbüch. d. deutsch. Theol. 1864 г. Joh. d. Apost. und d. Presbyter § 332 и сл.) и Герике отрицаютъ существованіе Іоанна пресвитера, какъ отдѣльной личности отъ личности Іоанна апостола. Штейцъ допускаетъ отдѣльное существованіе того и другаго Іоанна и пребываніе ихъ обоихъ въ Малой Азіи (D. Papias von Hierapolis: «Ausleg. d. Reden d. Herrn.» Theol. Stud. u. Krit. 1868 г.). Точно также Лютардъ (Das Joh. Ursprung. d. viert. Evang. 1874. § 106—114) и Лейшнеръ (Das Evang. St. Joh. 1873. § 72—101). Ксйхъ допускаетъ пребываніе въ М. Азіи только пресвитера Іоанна, а Шольтегъ не позволяетъ этого пребыванія ни тому, ни другому Іоанну.

³⁾ Antichris. Einleit. S. XXI.

Иоанна, ни въ какомъ случаѣ нельзя признать, въ немъ апокалиптика уже по тому одному, что въ такомъ случаѣ онъ былъ бы болѣе извѣстенъ и преданіе о немъ болѣе опредѣленно, чѣмъ тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя дошли до насъ и которыя допускаютъ даже отрицаніе его существованія. Совершенно необъяснимо это, такъ сказать, пренебреженіе къ мужу, произведеніе котораго пользовалось такимъ авторитетомъ и считалось книгою боговдохновенною, который и самъ пользовался, — какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ его же предполагаемое произведеніе — Апокалипсисъ, — огромнымъ значеніемъ среди мало-азійскихъ христіанъ, находился съ ними въ самыхъ близкихъ, непосредственныхъ отношеніяхъ и былъ руководителемъ семи главныхъ церквей М. Азіи. Уже съ этой одной стороны разбираемое предположеніе вызываетъ такіе вопросы и представляетъ такія затрудненія, удовлетворительное рѣшеніе которыхъ, если держаться строго исторіи, едва-ли мыслимо. Еще больше трудностей и несообразностей представляетъ эта гипотеза о пресвитерѣ Іоаннѣ, какъ писателѣ Апокалипсиса, если разсматривать ее съ точки зрѣнія самого Апокалипсиса. Предполагая даже, что пресвитеръ Іоаннъ былъ епископомъ ефесской церкви, считая его за одно лицо съ тѣмъ Іоанномъ, о которомъ упоминаютъ апостольскія постановленія (VІІ, 46), предполагая далѣе, что онъ дѣйствительно пользовался въ своей церкви уваженіемъ и авторитетомъ, и въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы писать въ такомъ внушительномъ и повелительномъ тонѣ даже къ одной церкви, а тѣмъ болѣе къ предстоятелямъ другихъ церквей, по отношенію къ которымъ онъ былъ равенъ. Исторія апостольскаго времени не представляетъ намъ примѣровъ даже того, чтобы кто изъ апостоловъ писалъ тѣмъ христіанамъ, которыхъ онъ не зналъ и среди которыхъ не проповѣдывалъ. Если же пресвитеръ Іоаннъ рѣшается писать семи церквямъ и ихъ представителямъ, то это значило бы тогда, что онъ былъ извѣстенъ всѣмъ этимъ церквямъ, что онъ много трудился среди ихъ и что именно эти-то его труды и попеченія съ одной стороны, а съ другой — то, что онъ былъ самовидцемъ и ученикомъ Христа, какъ читаемъ мы о немъ у Папія, даютъ ему право и власть писать семи епископамъ главныхъ мало-азійскихъ

городовъ посланія во внушительномъ и строгомъ тонѣ. Но ничего подобнаго допустить нельзя, потому что во 1-хъ, если бы пресвитеръ Іоаннъ былъ ученикомъ І. Христа и имѣлъ такое важное значеніе въ дѣлѣ евангельской проповѣди, то, какъ справедливо замѣчаетъ Ренау, нужно бы непременно ждать упоминанія о немъ или въ книгѣ Дѣяній, или въ посланіяхъ ап. Павла къ церквамъ малоазійскимъ, среди которыхъ, по разбираемой гипотезѣ, долженъ былъ находиться и дѣйствовать пресвитеръ Іоаннъ, — тѣмъ болѣе нужно ждать этого упоминанія въ посланіяхъ Павла, что въ нихъ этотъ апостоль посылаетъ привѣтствія многимъ лицамъ, менѣе важнымъ и менѣе извѣстнымъ, чѣмъ этотъ авторитетный мужъ. Во 2-хъ, если бы дѣйствительно пресвитеръ Іоаннъ много трудился для малоазійскихъ христіанъ, жилъ долгое время и въ Ефесѣ, и въ Смирнѣ, и въ Пергамѣ, былъ извѣстенъ и въ Θіатирѣ, и въ Филадельфій, и въ Сардахъ, и въ Лаодокіи, и вездѣ пользовался высокимъ уваженіемъ и авторитетомъ, почти равнымъ авторитету апостоловъ, то было бы неразрѣшимую загадку: почему такая почтенная и высокоуважаемая личность такъ неблагодарно забыта, забыта всѣми семью церквами. Гдѣ нибудь и какой нибудь отголосокъ сохранился бы объ этомъ многозначительномъ и всюду будто бы извѣстномъ при своей жизни мужѣ апостольскомъ, хотя какая нибудь черта изъ его жизни сохранилась бы въ памяти какой нибудь малоазійской церкви, кромѣ очень немногихъ и притомъ очень туманныхъ и сомнительныхъ памятниковъ, каково упомянутое уже свидѣтельство Папія, и еще преданіе о двухъ гробницахъ въ Ефесѣ ¹⁾. Мало того, Поликратъ, еп. ефесскій, въ своемъ посланіи къ Виктору римскому, перечисляя рядъ епископовъ, которые праздновали Пасху въ 14-й день Нисана и о которыхъ бы мы вовсе не знали безъ этого указанія, ничего не говоритъ о знаменитомъ пресвитерѣ Іоаннѣ, не ссылается на его авторитетъ.

Итакъ предположеніе, что писатель Апокалипсиса былъ не апостоль, а пресвитеръ Іоаннъ, не говоря уже о его противорѣ-

¹⁾ Иеронимъ (de viris illustr. 9, 18), подтверждая фактъ существованія въ Ефесѣ двухъ гробницъ, говоритъ, что въ его время смотрѣли на нихъ, какъ на два памятника не двумъ Іоаннамъ, а одному, именно Іоанну апостолу.

чи церковному преданію и отеческимъ свидѣтельствамъ, утверждающимъ апостольское происхожденіе Апокалипсиса и необъяснимымъ со стороны разсматриваемой гипотезы, не оправдывается также и характеромъ тѣхъ отношеній, какія существовали у пастырей и пасомыхъ въ апостольское и послѣапостольское время, а стоитъ, напротивъ, въ рѣшительномъ и необъяснимомъ противорѣчій съ этимъ, такъ сказать, духомъ апостольскаго времени и вмѣсто одной трудности—примирить въ ап. Іоаннѣ написаніе и Евангелія и Апокалипсиса, — трудности, какъ увидимъ, больше фивитивной, чѣмъ дѣйствительной, — разсмотрѣнное нами мнѣніе ставить ихъ нѣсколько и притомъ болѣе запутанныхъ и болѣе существенныхъ.

По другой гипотезѣ, высказанной въ недавнее время Шольтеномъ, Апокалипсисъ не подлинное, а подложное произведеніе подъ именемъ апокалиптика и ап. Іоанна. Шольтенъ на основаніи того высокаго авторитета, какимъ пользуется апокалиптикъ у малоазійскихъ христіанъ, видитъ въ немъ „не какого другаго Іоанна, какъ только Іоанна апостола, и притомъ такую личность, которая получила откровеніе“ ¹⁾. Но признать при этомъ Апокалипсисъ подлиннымъ произведеніемъ значило бы, по словамъ самого Шольтена, видѣть въ Апокалипсисѣ „самое древнее и авторитетное свидѣтельство, что Іоаннъ стоялъ въ близкомъ отношеніи къ Малой Азіи“ ²⁾. Но такъ какъ Шольтену нужно, во что бы то ни стало, доказать противное, то, по его мнѣнію, Апокалипсисъ написанъ какимъ нибудь христіаниномъ-юдаистомъ, который, по обычаю того времени, чтобы придать болѣе вѣсу своему произведенію „избралъ ап. Іоанна носителемъ Откровенія, которое онъ получилъ отъ Іисуса“ ³⁾. Вообще сущность гипотезы Шольтена, которую онъ выдаетъ за свое собственное убѣжденіе, состоитъ въ слѣдующемъ: авторъ Апокалипсиса — неизвѣстный писатель, выдающій свои собственныя видѣнія подъ именемъ ап. Іоанна, который по самой этой книгѣ давно уже умеръ (XVIII, 24; XXI, 14), а апокалипсическій Іоаннъ есть ни болѣе, ни меньше, какъ „вымысль автора“, какъ говоритъ Шольтенъ. Если такъ,

¹⁾ Der Apost. Iohan. in Kleinas. s. 7; ²⁾ ibid. s. 3; ³⁾ ibid. s. 11.

говоритъ въ заключеніе голландскій ученый, то „Апокалипсисъ не представляетъ никакого доказательства тому, чтобы ап. Іоаннъ жилъ въ М. Азіи. Напротивъ, онъ убѣждаетъ въ противномъ. Немыслимо, чтобы ктонибудь въ 68 году, когда въ М. Азіи былъ написанъ Апокалипсисъ, могъ посвятить церквамъ этой же самой страны книгу подъ именемъ и авторитетомъ этого апостола, еслибы дѣйствительно Іоаннъ жилъ и дѣйствовалъ тамъ въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій перваго столѣтія“, и потомъ также „немыслимо, чтобы при жизни Іоанна издалъ ктонибудь подъ его именемъ книгу, которая произошла не отъ него“¹⁾).

Прежде, чѣмъ приступить къ разбору этой гипотезы, мы не можемъ не обратить вниманія на ту странную, ни чѣмъ не прикрытую систему увертокъ, къ которой прибѣгаетъ ученый критикъ. Говоря о посланіяхъ ап. Павла къ Колоссянамъ, Ефессянамъ и къ Тимоѳею и считая ихъ подложными, Шольтенъ видитъ въ нихъ доказательство противъ малоазійскаго пребыванія ап. Іоанна на томъ единственно основаніи, что эти посланія явились подъ именемъ Павла, а не Іоанна; теперь Апокалипсисъ, по мнѣнію Шольтена, также произведеніе подложное, но явившееся уже подъ именемъ не Павла, а Іоанна, — и единственно только въ силу этого, какъ мы видѣли, говоритъ противъ того же факта пребыванія въ М. Азіи Іоанна. Если является подложное произведеніе въ М. Азіи подъ именемъ ап. Павла, то это, по Шольтену, прямое доказательство, что въ М. Азіи не знали ап. Іоанна и что, слѣдовательно, этотъ послѣдній тамъ не былъ; является такое же произведеніе подъ именемъ Іоанна, и въ такомъ случаѣ „не мыслимо, чтобы этотъ апостоль жилъ и дѣйствовалъ тамъ“. Едва-ли такая система доказательствъ можетъ быть названа научною.

Что касается самой гипотезы Шольтена, то она полна внутреннихъ противорѣчій и не выдерживаетъ самой поверхностной критики. Шольтенъ считаетъ „немыслимымъ“, чтобы ктонибудь рѣшился написать въ М. Азіи и для М. Азіи книгу отъ имени апо-

¹⁾ Ap. Joh. in Kleinas. S. 15—16.

стола, который ~~был~~ тамъ и дѣйствовалъ. Если подобный обманъ Шольтенъ признаеть немислимымъ, то тѣмъ болѣе немислимъ онъ ни со стороны обманщика, ни со стороны обмануемыхъ въ томъ случаѣ, какой предполагаетъ Шольтенъ, т. е. когда неизвѣстный писатель и мало-азійскія церкви знали, что ап. Іоаннъ никогда не былъ въ М. Азій. Если, какъ думаетъ Шольтенъ, ап. Іоаннъ никогда не былъ въ М. Азій и никого не зналъ тамъ, то могъ ли одинъ написать, а всѣ другіе повѣрить тому очевидному въ Апокалипсисѣ факту, что ап. Іоаннъ находился въ самой тѣсной и внутренней связи съ малоазійскими христіанами? Шольтенъ говоритъ, что Апокалипсисъ, если считать его подлиннымъ произведеніемъ ап. Іоанна, представляетъ несомнѣнное свидѣтельство пребыванія этого апостола въ М. Азій, что апокалиптикъ Іоаннъ не кто другой, какъ Іоаннъ апостоль, и что наконецъ мало азійскіе христіане признавали Апокалипсисъ подлиннымъ произведеніемъ ап. Іоанна, — если такъ, то гипотеза Шольтена представляетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ: кто-то пишетъ книгу, въ которой вводитъ говорящимъ лицомъ ап. Іоанна и заставляеть его вести такую рѣчь къ малоазійцамъ: я, ап. Іоаннъ, никогда не бывшій въ М. Азій, какъ вы сами знаете, и уже умершій, какъ это вы увидите изъ моихъ же словъ (XVIII, 24; XXI, 14) былъ на островѣ Патмосѣ, находился и теперь нахожусь въ самыхъ близкихъ и тѣсныхъ отношеніяхъ къ вамъ, знаю всѣ ваши тайныя дѣла и помысленія, хорошее и плохое, за первое хвалю, за второе порицаю и т. д.; малоазійцы принимаютъ эту книгу за истинную, боговдохновенную книгу, за подлинное произведеніе ап. Іоанна, видятъ въ его словахъ: „я Іоаннъ, братъ вашъ“ — указаніе на дѣйствительнаго апостола, вѣрятъ и какъ бы припоминають, что онъ жилъ съ ними, много трудился у нихъ, хотя они его и никогда не видали, говорятъ потому, что онъ жилъ у нихъ до времени Траяна, что онъ написалъ Апокалипсисъ и Евангеліе, дѣлалъ то и другое. Такова гипотеза профессора Шольтена. Что думалъ этотъ критикъ объ умственныхъ способностяхъ обманщика и обманываемыхъ, когда строилъ свою гипотезу, когда предполагалъ, что какой-то неизвѣстный писатель вводитъ въ своемъ произведеніи ап. Іоанна, говорящаго о себѣ, что онъ хотя апостоль.

но не тотъ, который принадлежалъ къ числу 12-ти, тотъ уже умеръ, а что онъ другой ап. Іоаннъ, котораго не только малоазійцы никогда не видали и не знали, но котораго никто никогда не видалъ и не зналъ, что онъ личность не дѣйствительная, не историческая, а малоазійскіе христіане тотчасъ послѣ появленія Апокалипсиса узнали, что этотъ апостоль у нихъ жилъ и трудился? Если бы Шольтенъ, идя такъ поспѣшно впередъ въ изысканіи разныхъ „вѣроятностей“, оглядывался приэтомъ назадъ, провѣрялъ бы свои предположенія, то едва ли бы онъ тогда повѣрилъ самому себѣ. Сказавъ, что немыслимо допустить подложность Апокалипсиса, если ап. Іоаннъ жилъ въ Азіи, онъ тѣмъ болѣе долженъ бы сказать, что такой подлогъ еще болѣе немыслимъ, если ап. Іоанна совсѣмъ не знали малоазійскіе христіане. Мы не можемъ не согласиться съ Ренаномъ, который такъ характеризуетъ Шольтена, какъ критика: „онъ, говоритъ Ренанъ, факты подчиняетъ мысли и рѣдео стоитъ на чисто исторической почвѣ“¹⁾.

Ренанъ считаетъ глупымъ обманщика, но неизмѣримо глупѣе были, по Шольтену, обманутые, которые, никогда не издавши у себя ап. Іоанна, не только признаютъ Апокалипсисъ его произведеніемъ, но тотчасъ же начинаютъ увѣрять самихъ себя и другихъ,

¹⁾ Der Antichrist. s. 445. Въ частности относительно его мнѣнія о происхожденіи Апокалипсиса Ренанъ говоритъ: «въ этомъ пунктѣ знаменитый критикъ всего слабѣе». Какъ должны были онѣ (малоазійскія церкви), говорить потомъ Ренанъ, принять повѣствованіе о видѣніяхъ, которыя получены на Патмосѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Ефеса, повѣствованіе, направленное къ семи главнымъ церквамъ М. Азіи,—со стороны мужа, о которомъ нужно думать, что онъ зналъ тайны складки (falten) ихъ совѣсти, который однимъ дѣлаетъ жесткіе упреки, другихъ очень хвалитъ, который принимаетъ по отношенію къ нимъ тонъ неопровержимаго авторитета, выдаетъ себя за участника въ ихъ страданіяхъ: какъ все это они должны были принять, если этотъ мужъ не былъ ни на Патмосѣ, ни въ Азіи, если онъ безвыходно жилъ въ Іерусалимѣ? Нужно признать очень глупымъ этого обманщика, если предположить, что онъ съ полнымъ сознаніемъ далъ такой поводъ не довѣрять своей книгѣ. Обманщикъ старается, какъ бы ни была довѣрчива та публика, на которую онъ рассчитываетъ, приобрѣсть для своего повѣствованія такія условія, при которыхъ бы оно было принято. Если авторъ Апокалипсиса думаетъ обезпечить своимъ видѣніямъ хорошей приѣмъ, приурочиваетъ ихъ къ малоазійской почвѣ, почти къ самому Ефесу, и высказываетъ въ нихъ совѣты, которые для азійскихъ церквей были какъ бы совѣтами совѣтника совѣсти (Gewissensberathers), то это доказываетъ, что Іоаннъ былъ въ Азіи. Ibid. s. 446—448.

что ап. Іоаннъ былъ въ М. Азіи и жилъ тамъ долгое время. Мы только не понимаемъ того, какимъ образомъ малоазійскіе христіане при такой глупости могли быть способными къ такой очень сложной и требующей не мало образованія и глубокаго знанія человѣческой души умственной работѣ, какъ составить опредѣленный и цѣльный образъ человѣка, характеръ его нравственнаго и религіознаго міровоззрѣнія на основаніи одного литературнаго памятника; а малоазійскіе христіане, по Шольтену, создали такой образъ Іоанна и создали такъ искусно, что евангелистъ Лука въ своемъ Евангеліи относительно личности Іоанна руководился „тѣмъ характеромъ, какой онъ, Іоаннъ, уже принялъ, соотвѣтственно Апокалипсису, въ іудейско-христіанскомъ преданіи“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, если не мыслимы ни подлогъ со стороны неизвѣстнаго писателя, ни обманъ со стороны малоазійскихъ христіанъ, то сама собою падаетъ и самая гипотеза о подложности и неподлинности Апокалипсиса; она оказывается полною внутреннихъ противорѣчій, уничтожающихъ даже всякую правдоподобность тѣхъ предположеній, изъ которыхъ такъ неудачно и совершенно произвольно склеена вся гипотеза Шольтена. Апокалипсисъ, не только въ томъ случаѣ, когда онъ — произведеніе подлинное и произведеніе именно ап. Іоанна, но и въ томъ, когда онъ принадлежитъ анонимному писателю и есть „вымыселъ неизвѣстнаго автора“ представляетъ намъ „древнѣйшее и подлинное свидѣтельство того, что ап. Іоаннъ находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ М. Азіи“, какъ говоритъ Шольтенъ, и что слѣд. фактъ пребыванія и дѣятельности этого апостола среди малоазійскихъ христіанъ — фактъ несомнѣнный, историческій.

Самосвидѣтельство Апокалипсиса за свое апостольское происхожденіе подтверждается также и свидѣтельствомъ почти всѣхъ христіанскихъ писателей за немногими и притомъ позднѣйшими исключеніями, имѣвшими свои особыя независимыя отъ Апокалипсиса причины ²⁾. Хилиазмъ Папія и названіе *ἀξιοπιστός*, которое

¹⁾ Der Apost. Ioh. in Kleinas. s. 14.

²⁾ Въ III в., подъ вліяніемъ распространившихся заблужденій хилиастовъ и монтанистовъ, оправданныхъ на неправильномъ пониманіи Апокалипсиса, на эту книгу стали смотрѣть съ подозрѣніемъ и даже отрицать ея апостольское про-

онъ въ своемъ сочиненіи прилагаетъ къ Апокалипсису ¹⁾, позволяютъ намъ отнести этого древняго церковнаго писателя къ числу свидѣтелей апостольскаго происхожденія Апокалипсиса и слѣд. малоазійскаго пребыванія ап. Іоанна. Послѣ него слѣдуетъ цѣлый рядъ свидѣтелей, жившихъ въ Азіи, даже принадлежавшихъ часто къ какой нибудь изъ семи церквей, къ которымъ направлено самое откровеніе: Іустинъ въ Ефесѣ (около 140 г.—Разг. съ Триф.), Мелитонъ въ Сардахъ (около 168—Евс. Ц. И. IV, 26), Теофилъ въ Антиохіи (во 2-й пол. II в. Ц. И. Евс. IV, 24), Аполлоній (около 180—190; Евс. V, 18), Иринея, авторъ Мураторіева фрагмента (около 170 г.), Тертуллианъ, Климентъ Алекс., Оригенъ, авторъ „Философуменъ“ ²⁾. Этотъ цѣлый рядъ свидѣтелей, утверждающихъ апостольское происхожденіе Апокалипсиса, этимъ самымъ свидѣтельствуетъ и о пребываніи ап. Іоанна какъ на Патмосѣ, такъ и въ Малой Азіи вообще. И не только эти свидѣтели, но и вся безъ исключенія христіанская древность утверждаетъ, что пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи фактъ несомнѣнный. Даже тѣ христіанскіе писатели, которые не признавали Апокалипсиса произведеніемъ ап. Іоанна, рѣшительно свидѣтельствовали, что ап. Іоаннъ жилъ въ М. Азіи долгое время и умеръ тамъ въ глу-

8

исхожденіе; таковъ былъ напр. Кай римскій пресвитеръ III в. Другіе, какъ напр. Діонисій Алекс., не признавали Апокалипсиса произведеніемъ ап. Іоанна на томъ основаніи, что, выходя изъ чисто субъективныхъ воззрѣній, находили невозможнымъ совмѣстить въ одномъ писателѣ такихъ двухъ произведеній, какъ Апокалипсисъ и 4-е Евангеліе и, считая послѣдее принадлежащимъ ап. Іоанну, написаніе перваго относили къ пресвитеру Іоанну. Наконецъ, нельзя не упомянуть еще о томъ обстоятельстве, что Апокалипсиса вѣтъ въ сирскомъ переводѣ Пешито. Объясняя причины этого отсутствія книги въ Пешито, Эбрардъ говоритъ, что «Пешито не имѣетъ Апокалипсиса не потому, что будто этотъ переводъ появился ранѣ написанія Апокалипсиса, и не потому, чтобы въ сирской церкви Апокалипсисъ не былъ общепризнаннымъ, наконецъ и не потому, что эта книга сначала заключалась въ Пешито, а потомъ выпущена,—а потому, что этотъ переводъ предназначался для церкви и для чтенія при богослуженіи; поэтому Апокалипсисъ, какъ мало пригодный для такого общаго церковнаго употребленія, былъ переведенъ послѣ». Die Offenb. Joh. 1853 г. s. 7.

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ писатели V в. Андрей и Ареба, имѣвшіе въ рукахъ подлинное произведеніе Папія.

²⁾ Авторъ «Философуменъ», по мнѣнію Иванцова-Платонова, былъ Ипполитъ, ученикъ Иринея (Ереси и раск. Пр. Обзор. Ноябрь 1876 г.).

бокой старости, каковы: Кай, Діонисій Алекс., Евсевій и друг. Намъ нужно бы только привести всѣ эти свидѣтельства древней церкви, чтобы считать нашъ вопросъ рѣшеннымъ и фактъ пребыванія ап. Іоанна въ Малой Азій несомнѣннымъ, историческимъ фактомъ. Но, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, есть ученые, считающіе мало-азійское преданіе объ Іоаннѣ недостовѣрнымъ, лишеннымъ историческихъ основаній, а самое пребываніе Іоанна въ Малой Азій—фиктивнымъ. Поэтому для большей полноты и обстоятельности нашего изслѣдованія, мы не можемъ не остановиться на разныхъ объясненіяхъ и гипотезахъ, старающихся доказать недостовѣрность и фиктивность мало-азійскаго пребыванія ап. Іоанна, при чемъ мы опять будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ гипотезы Кейма и Шольтена, какъ главныхъ представителей отрицательнаго направленія въ нашемъ вопросѣ.

Кеймъ утверждаетъ, что мало-азійское преданіе объ ап. Іоаннѣ возникло благодаря единственно тому обстоятельству, что пресвитеръ Іоанпъ, жившій въ М. Азій и въ Ефесѣ, былъ смѣшанъ съ никогда не жившимъ тамъ Іоанномъ апостоломъ. Такому смѣшенію, по его мнѣнію, положилъ начало Иринея: „недоразумѣнія и нужды времени заставили въ первый разъ провозгласить ап. Іоанна апостоломъ Малой Азій около 190 г. Именно Иринея, въ своемъ сочиненіи противъ ересей“ и т. д. ¹⁾. Но гипотеза о смѣшеніи апостола съ пресвитеромъ совершенно неосновательна и вполнѣ произвольна. Во 1-хъ, она погрѣшаетъ противъ очевидныхъ фактовъ исторіи, потому что не Иринея первый писалъ около 190 года, а еще около 140 года Іустинъ мученикъ, затѣмъ около 170 г. Мелитонъ еп. Сардійскій, около 180 г. Аполлоній и Поликрать, не знавшіе и не читавшіе сочиненія Иринея противъ ересей, приписывали Апокалипсисъ ап. Іоанну и этимъ самымъ свидѣтельствовали его малоазійское пребываніе; во 2-хъ, это предположеніе, относя все, приписываемое въ преданіи ап. Іоанну, къ Іоанну пресвитеру, оказывается невѣроятнымъ потому, что, какъ мы видѣли раньше, немисливо почти полное забвеніе такого уважаемаго и авторитетнаго мужа, какъ пресвитеръ Іоанпъ; въ 3-хъ пред-

¹⁾ Leben Jesu von Nazara.

полагаемое смѣшеніе пресвитера съ апостоломъ немислимо со стороны Иринея, потому что „какимъ образомъ этотъ мужъ, имѣвшій постоянныя сношенія съ востокомъ, съ Римомъ, въ который стекались малоазійскіе гностики (въ чемъ не можетъ быть сомнѣній при чтеніи его сочиненій), какимъ образомъ онъ не могъ узнать о своей столь непонятной ошибкѣ, если онъ дѣйствительно, по своей молодости, ошибался относительно столь яснаго впрочемъ смысла такихъ обстоятельныхъ разсказовъ св. Поликарпа о замѣчательной личности въ Ефесѣ?“ спрашиваетъ по поводу предполагаемаго Кеймомъ недоразумѣнія Иринея Вабницъ ¹⁾. Въ 4-хъ, такое смѣшеніе немислимо для малоазійскихъ церквей, потому что, если онѣ до Иринея знали только пресвитера Іоанна, жившаго у нихъ до времени Траяна, и уважали его за его крѣпкую вѣру и высокое благочестіе, а около 190 года подъ вліяніемъ „нужды времени стали единогласно провозглашать апостола Іоанна апостоломъ Малой Азій“, если онѣ вѣрятъ „недоразумѣніямъ“, ошибочнымъ разсказамъ Иринея, ссылавшагося въ доказательство своихъ извѣстій объ ап. Іоаннѣ на старцевъ самовидцевъ этого апостола, вѣрили этимъ разсказамъ, вполне конечно сознавая ихъ ошибочность и недостоверность: то въ такомъ случаѣ нужно предположить, что всѣ церкви Малой Азій (Поликратъ Ефесскій, Мелитонъ Сардійскій, Аполлоній и др.) намѣренно сговорились обманывать и самихъ себя и другихъ. Въ 5-хъ, такое смѣшеніе еще болѣе немислимо для всей остальной церкви. Если до 190 года знали только объ Іоаннѣ пресвитерѣ, а объ апостолѣ того же имени имѣли только тѣ немногія свѣденія, какія передаетъ о немъ св. писаніе, то предположить около 190 года смѣшеніе пресвитера съ апостоломъ значить допустить, что не только церкви малоазійскія, но и европейскія (Римъ и Галлія) и африканскія (Кароагенъ и Александрія) вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего повѣрили одному ложному извѣстію Иринея и стали утверждать, что пресвитеръ Іоаннъ былъ не простой пресвитеръ, а апостоль. Но вѣдь если Иринея „по недоразумѣнію“, а малоазійскія церкви „по нуж-

¹⁾ «Былъ ли ап. Іоаннъ въ Ефесѣ?» Правосл. Собесѣдн. 1872 г., Сентябрь, стр. 65.

дамъ времени“ провозгласили ап. Іоанна апостоломъ Малой Азіи, то такого недоразумѣнія не существовало для Виктора римскаго, для Тертуліана карфагенскаго, для Климента александрійскаго — современниковъ Иринея; а что касается „нуждъ времени“, то для другихъ церквей не только такихъ нуждъ не существовало, а напротивъ, римская напр. церковь, въ своемъ спорѣ о Пасхѣ нуждалась скорѣе въ противоположномъ преданіи, и потому ни въ какомъ случаѣ не повѣрила бы Иринею, напоминавшему Виктору о посѣщеніи Рима Поликарпомъ и о ссылкѣ послѣдняго на авторитетъ ап. Іоанна въ защиту малоазійскаго обычая празднованія Пасхи, говоримъ—не повѣрила бы, если бы все это было одно недоразумѣніе со стороны Иринея и если бы все это дѣйствительно не существовало. Въ 6-хъ, самое предположеніе Кейма о смѣшеніи пресвитера съ апостоломъ очень неопредѣленно и заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Кеймъ говоритъ, что „недоразумѣніи и нужды времени заставили въ первый разъ провозгласить ап. Іоанна апостоломъ М. Азіи“; но если это смѣшеніе допущено „по недоразумѣнію“, то слѣд. несознательно и ненамѣренно и, стало быть, не „по нуждамъ времени“; если же по нуждамъ времени, стало быть съ преднамѣренной цѣлью, сознательно, то слѣд. не по недоразумѣнію. Во всякомъ же случаѣ нельзя допустить ни сознательной ошибки, ни безсознательной, потому что безсознательной ошибки не могъ допустить Иринея, который, прежде чѣмъ высказать ее въ своемъ сочиненіи, имѣлъ неоднократный случай исправить эту, полученную въ дѣтствѣ ошибку, а безсознательное принятіе этой ошибки Иринея со стороны малоазійскихъ и другихъ церквей даже немыслимо; съ другой же стороны и сознательнаго смѣшенія, подъ вліяніемъ нуждъ времени, не могли допустить ни Иринея, ни другіе писатели, его современники, ни наконецъ церкви малоазійскія и римскія, потому что этотъ обманъ, не говоривъ уже о нравственной невозможности такого поступка для отцовъ церкви и цѣлыхъ церковныхъ обществъ, самъ по себѣ былъ бы безцѣленъ, если церковь и православные хотѣли обмануть самихъ себя, или не достигалъ бы цѣли, если былъ направленъ противъ еретиковъ-гностиковъ, большая часть которыхъ выходила изъ нѣдръ

церквей мало-азійскихъ и которые были знакомы поэтому съ мало-азійскимъ церковнымъ преданіемъ не менѣе православныхъ, и слѣд. никакимъ образомъ не могли обмануться и повѣрить „недоразумѣнію“ Иринея относительно столь важнаго вообще и для нихъ — еретиковъ въ особенности факта, какъ фактъ пребыванія ап. Іоанна въ М. Азіи. Не въ правѣ ли мы послѣ всего этого сказать вмѣстѣ съ Вабницемъ: „до какихъ нелѣпыхъ результатовъ доводитъ насъ *смѣшеніе* въ рассматриваемомъ нами вопросѣ“.

Поэтому-то послѣдователи Кейна, чтобы избѣжать этихъ очевидныхъ нелѣпыхъ результатовъ, дѣлаютъ другое предположеніе относительно происхожденія малоазійскаго преданія объ ап. Іоаннѣ. Именно Шольтенъ, отвергая высказанное Кеймомъ мнѣніе о смѣшеніи пресвитера съ апостоломъ и выгоняя изъ М. Азіи какъ того, такъ и другаго Іоанна, говоритъ, что преданіе о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи и его дѣятельности тамъ имѣетъ свой единственный источникъ въ Апокалипсисѣ.

„Самъ Иринея доказываетъ, говоритъ Шольтенъ, что преданіе объ Іоаннѣ къ тому времени, когда онъ писалъ, было въ обращеніи.. Неестественно въ одной ошибкѣ Иринея искать источникъ цѣлаго преданія.. Всѣ сказанія объ Іоаннѣ имѣютъ свое общее основаніе въ томъ убѣжденіи, что ап. Іоаннъ былъ писателемъ Апокалипсиса и поэтому, какъ видно изъ этого произведенія, долженъ былъ стоять въ близкомъ отношеніи къ церквамъ Малой Азіи“¹⁾.

Эта гипотеза Шольтена еще менѣе правдоподобна и основательна, чѣмъ *гипотеза смѣшенія* Кейма. Если преданіе объ ап. Іоаннѣ имѣетъ, по Шольтену, свое основаніе въ собственномъ свидѣтельствѣ Апокалипсиса, то непонятно, какимъ образомъ Кай, Діонисій, Евсевій наконецъ, люди, критически относившіеся ко всякаго рода преданіямъ и сомнѣвавшіеся въ апостольскомъ происхожденіи Апокалипсиса, не смотря на общее почти убѣжденіе въ этомъ, — какимъ образомъ они, отвергнувъ самый корень, признали его побѣги, срывъ основаніе, оставили нетронутымъ и неповрежденнымъ то, что опиралось на этомъ основаніи, словомъ — какимъ образомъ эти критическіе и анализирующіе умы, отрицая при-

¹⁾ Der Apost. Ioh. in Kleinas. S. 48—49.

надлежность ап. Иоанну Апокалипсиса, въ тоже время признавали и свидѣтельствовали несомнѣнность факта пребыванія ап. Иоанна въ М. Азій. Далѣе, разсматриваемая гипотеза не вѣрна въ своей основѣ, въ своей сущности, — предвѣдущее ставить на мѣсто послѣдующаго, основаніе дѣлаетъ слѣдствіемъ, а слѣдствіе основаніемъ. Признаемъ ли мы Апокалипсисъ подлиннымъ апостольскимъ произведеніемъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ говорить о тѣсной связи апокалиптика съ малоазійскими христіанами и вся церковь признала въ немъ подлинное произведеніе ап. Иоанна. Стало быть для того, чтобы Апокалипсисъ былъ принятъ за произведеніе ап. Иоанна, должно было существовать преданіе о пребываніи ап. Иоанна въ М. Азій и о его дѣятельности среди тамошнихъ христіанъ; первое безъ послѣдняго положительно невысказано, какъ мы это видѣли при разборѣ мнѣнія относительно происхожденія Апокалипсиса. Наконецъ, гипотеза Шольтена отъ начала до конца представляетъ изъ себя совершенно *искусственный*, но очень *неискусный* рядъ вполне произвольныхъ и часто противорѣчащихъ одно другому предположеній. Она опирается на слѣдующихъ двухъ предположеніяхъ: во 1-хъ, какой-то анонимъ чрезъ годъ или векорѣ послѣ смерти всѣхъ апостоловъ написалъ для малоазійскихъ церквей Апокалипсисъ (напис. по Шольтену въ 68 году), въ которомъ вводитъ говорящимъ лицомъ ап. Иоанна („кого онъ могъ избрать, какъ не апостола?“ говоритъ Ш. на стр. 12) и выдаетъ его за лицо, весьма близко стоявшее къ церквамъ М. Азій. Во 2-хъ, малоазійскіе христіане, никогда не видавшіе у себя ап. Иоанна, а только благодаря предупредительности какого то благодѣтельнаго анонима, прочитавъ Апокалипсисъ, почувствовали, что у нихъ отверзлись очи и увидѣли, что среди ихъ жилъ ап. Иоаннъ, который былъ на Патмосѣ, видѣлъ тамъ Откровеніе и записалъ его для нихъ. Шольтенъ не указываетъ съ точностію, въ какое именно время малоазійскіе христіане стали припоминать несуществовавшее въ дѣйствительности, но онъ говоритъ, что это было гораздо ранѣе Иринея. Приэтомъ, по Шольтену, сознаніе малоазійцевъ не сразу прояснилось до того, чтобы они тотчасъ же, какъ только получали Апокалип-

сись, стали утверждать и пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи; у нихъ въ этомъ отношеніи Шольтенъ предполагаетъ *естественную*, но не нормальную постепенность. При первомъ появленіи Апокалипсиса малоазійцы увидѣли только то, что эта книга написана ап. Іоанномъ; говоримъ „при первомъ появленіи“, потому что уже евангелистъ Лука чрезъ 20 лѣтъ, по Шольтену, послѣ написанія Апокалипсиса пользовался для своей характеристики Іоанна „іудейско-христіанскимъ преданіемъ“, имѣвшимъ свой источникъ въ Апокалипсисѣ, и „что ап. Іоаннъ написалъ Апокалипсисъ—это мнѣніе уже твердо установилось при Іустинѣ и вѣроятно (?) еще ранѣе“ ¹⁾, говоритъ тотъ же ученый. Но считая ап. Іоанна авторомъ Апокалипсиса, малоазійскіе христіане на первыхъ порахъ еще не догадывались, что онъ долженъ былъ находиться въ ближайшихъ отношеніяхъ къ церквамъ М. Азіи, что онъ долженъ былъ жить для этихъ церквей и отечески заботиться о нихъ,—они даже не видали того, что онъ самъ говоритъ о своемъ пребываніи на Патмосѣ не вдалекѣ отъ Ефеса. Такъ Іустинъ, рѣшительно утверждающій, что „у насъ нѣкоторый мужъ, имя которому Іоаннъ, одинъ изъ апостоловъ Христа, въ бывшемъ ему откровеніи пророчествовалъ“ (Разг. съ Триф. гл. 81), „нигдѣ не показываетъ, говоритъ Шольтенъ, чтобы онъ имѣлъ свѣдѣнія о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи“ ²⁾. Точно также и Папій, заимствовавшій свой хиліазмъ изъ Апокалипсиса, „могъ приписать Апокалипсисъ ап. Іоанну, не предполагая, что онъ написалъ его въ М. Азіи... ничто не препятствовало ему предположить, говоритъ Шольтенъ, что Іоаннъ написалъ Апокалипсисъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и оттуда послалъ церквамъ М. Азіи“ ³⁾. Только потомъ уже поняли, что писатель Апокалипсиса долженъ былъ находиться въ близкихъ отношеніяхъ къ церквамъ М. Азіи, что „Іоаннъ апостоль написалъ Апокалипсисъ — это, по мнѣнію Шольтена, уже твердо установилось при Іустинѣ и вѣроятно еще ранѣе. Изъ этого теперь (почему же не ранѣе?) должно было (*muszte!* сильно!)

¹⁾ Ap. Ioh. in Kleinas. s. 50. Литературная дѣятельность Іустина мученика относится, по Ш., къ 139—155.

²⁾ Der Apost. Ioh. in Kleinas. S. 33;) *ibid.* S. 29, *ibid.* s. 50.

постепенно съ теченіемъ времени (?) какъ бы само собою возникнуть преданіе, что Іоаннъ дѣйствовалъ въ М. Азіи и, благодаря невѣрному пониманію Апок. I, 9, сосланъ былъ на Патмосъ“. Изгнанникъ Іоаннъ естественно заставляетъ далѣе предполагать изгнавшаго Домиціана, а затѣмъ освобожденіе изгнанника влѣдствіе смерти тиранна, за возвращеніемъ послѣдовала смерть при Траянѣ, а за смертію погребеніе въ Ефесѣ. „Таковъ ходъ малоазійскаго преданія объ Іоаннѣ“—заключаетъ Шольтенъ свою теорію о происхожденіи преданія о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи. Неправдоподобность, чтобы не сказать болѣе, написанія какимъ-то анонимомъ Апокалипсиса и обнародованія его среди малоазійскихъ церквей отъ имени ап. Іоанна, никогда не выдавшаго М. Азіи, очевидно и болѣе подробно была выяснена впереди. Но не болѣе правдоподобенъ рядъ и слѣдующихъ затѣмъ предположеній: будучи современниками всѣхъ апостоловъ и зная, что ап. Іоаннъ никогда не былъ въ М. Азіи, малоазійцы третьей четверти I-го столѣтія принимаютъ однако анонимное произведеніе съ распростертыми объятіями, выдаютъ его за апостольское произведеніе, создаютъ по нему образъ Іоанна, но въ то же время не замѣчаютъ самаго замѣтнаго въ Апокалипсисѣ, именно того, что Іоаннъ апокалиптикъ среди семи церквей Малой Азіи, по Апокалипсису, какъ у себя дома, не замѣчаютъ даже того, что онъ былъ на Патмосѣ. Что это такое, какъ не рядъ самыхъ произвольныхъ, вопліи и очевидно тенденціозныхъ предположеній!? Понятно, что Шольтену нельзя было допустить, чтобы малоазійскіе церкви вскорѣ послѣ смерти апостоловъ одновременно и признали Апокалипсисъ произведеніемъ ап. Іоанна и поняли, что авторъ этой книги долженъ былъ жить вмѣстѣ съ ними, хотя то и другое съ одинаковой легкостью должно было бросаться въ глаза при первомъ же чтеніи Апокалипсиса. Поэтому Шольтенъ позволяетъ малоазійскимъ церквамъ въ I-мъ вѣкѣ только признавать Апокалипсисъ апостольскимъ произведеніемъ, а возникновеніе изъ того же Апокалипсиса преданія о пребываніи въ М. Азіи ап. Іоанна онъ отодвигаетъ ко 2-й половинѣ II-го вѣка: оно, по его мнѣнію, возникло въ періодъ времени отъ Іустина и Папія до Иринея

(род. около 135 г.), т. е. въ періодъ времени отъ 162 года (годъ смерти Папія и Іустина) до 177 — 190 (годъ написанія „Обличенія лжеименнаго разума“), потому что по Шольтену до Иринея никто не зналъ о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, не говоря уже о Егезипѣ, Игнатіѣ и Поликарпѣ, даже Іустинъ и Папій „ничего не знали объ этомъ преданіи“. Если же преданіе объ ап. Іоаннѣ начало развиваться только съ 162 года, когда Иринею было уже по меньшей мѣрѣ 25 лѣтъ, и если никто изъ его современниковъ не говоритъ такъ подробно объ ап. Іоаннѣ, какъ Иринея, то теорія Шольтена не таже ли самая теорія Кейма, по которой „Иринея въ первый разъ провозгласилъ ап. Іоанна апостоломъ М. Азіи“, и не приходитъ ли онъ къ тѣмъ же и еще большимъ нелѣпостямъ, чѣмъ Кеймъ? Если, какъ самъ Шольтенъ говоритъ, Іустинъ, разговаривавшій въ Ефесѣ съ іудеемъ Трифономъ, ничего не зналъ о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, если Папій, только потому, что онъ нигдѣ въ своемъ произведеніи не упоминаетъ о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, представляютъ доказательство того, что онъ и не зналъ этого преданія ¹⁾, и если, слѣдовательно, его другъ Поликарпъ, бывший вѣроятно уже епископомъ въ Смирнѣ, когда въ сосѣднемъ городѣ около 140 года Іустинъ писалъ свой „*διαλογος*“ (какъ самъ Шольтенъ утверждаетъ), былъ не причастенъ этой ошибкѣ: то когда и отъ кого получившее свое начало преданіе Иринея принялъ „на добрую вѣру?“ Если Іустинъ, Папій и Поликарпъ и, стало быть, всѣ ихъ современники ничего не знали о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, и если они умерли въ то время, когда Иринею было по крайней мѣрѣ 25 лѣтъ, то ясно какъ день, что Иринея не могъ, если бы и желалъ, принять на вѣру никакого преданія объ Іоаннѣ, потому что не было ни времени для возникновенія такого преданія, ни лицъ, могущихъ создать его. Напротивъ, если тотъ же Поликарпъ зналъ, что ап. Іоаннъ не былъ въ М. Азіи, то несомнѣнно онъ разсѣялъ бы всякія попытки создать такое преданіе и во всякомъ случаѣ убѣдилъ бы въ этомъ Иринея, какъ своего ближайшаго ученика. Такимъ образомъ теорія Шильтена относительно происхожденія мало-азійскаго преда-

¹⁾ Der Ap. Ioh. in Kleinas. s. 28.

нія объ ап. Іоаннѣ, будучи искусственно составлена изъ предположеній, изъ которыхъ одно уничтожаетъ другое, а другое противорѣчитъ третьему, сама обличаетъ свою полную несостоятельность и распадается при первомъ прикосновеніи къ ней критики.

Ближайшее разсмотрѣніе самаго малоазійскаго преданія объ ап. Іоаннѣ еще убѣдительнѣе доказываетъ несомнѣнность и историческую достовѣрность факта пребыванія ап. Іоанна въ Ефесѣ съ одной стороны, а съ другой еще нагляднѣе обнаруживаетъ не только полную несостоятельность предположеній Кейма и Шольтена относительно происхожденія этого преданія, но очевидную ихъ произвольность, рѣшительное противорѣчіе ихъ историческимъ даннымъ, явное искаженіе прямого и яснаго смысла свидѣтельствъ и намѣренное, можно сказать, отвращеніе ихъ отъ истины. Къ этому разсмотрѣнію самого преданія объ ап. Іоаннѣ мы теперь и обратимся.

Первымъ по времени послѣ Апокалипсиса свидѣтелемъ, „говорящимъ“ за малоазійское пребываніе ап. Іоанна, мы должны назвать *Іустина мученика*. Шольтенъ, какъ мы выше замѣтили, относитъ Іустина къ числу „умалчивающихъ“ и говоритъ, что свидѣтельство Іустина объ апостольскомъ происхожденіи Апокалипсиса ничего не говоритъ за пребываніе ап. Іоанна въ М. Азій. Въ сочиненіяхъ Іустина, говоритъ онъ, „нигдѣ нѣтъ намека, чтобы ему (Іустину) было извѣстно пребываніе ап. Іоанна въ Ефесѣ“ (с. 32). Мы согласны съ Шольтенемъ, что нигдѣ въ дошедшихъ до насъ отъ Іустина сочиненіяхъ не говорится прямо о пребываніи ап. Іоанна въ Ефесѣ и что все его свидѣтельство сводится на то, что ап. Іоаннъ написалъ Апокалипсисъ. Но одно это свидѣтельство должно убѣдить всякаго, что въ основѣ его лежитъ историческое преданіе о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азій и даже въ Ефесѣ. Нельзя, прежде всего, допустить, чтобы Іустинъ отнесъ написаніе Апокалипсиса къ ап. Іоанну единственно на основаніи только этой книги. Принимая во вниманіе съ одной стороны образованность Іустина, непритворнаго любителя истинной философіи, занимавшагося также и греческими науками (Евс. VI 8), критическое направленіе его ума, съ какимъ онъ относился

къ различнымъ философскимъ системамъ, его тонкій анализъ, который видѣнъ въ его сочиненіяхъ, — съ другой — неполноту свидѣтельства Апокалипсиса о своемъ авторѣ, всякій безпристрастный изслѣдователь долженъ сознаться, что Іустинъ не могъ такъ положительно и опредѣленно сказать, опираясь на одномъ только Апокалипсисѣ, что „Іоаннъ, одинъ изъ апостоловъ Христа въ откровеніи пророчествовалъ“. Это тѣмъ болѣе невѣроятно, что эти слова сказаны и написаны были Іустиномъ не гдѣ нибудь вдали отъ мѣста дѣятельности ап. Іоанна, а въ самомъ Ефесѣ („Іустинъ написалъ также разговоръ противъ іудеевъ, говоритъ Евсевій IV, 18, который былъ у него въ городѣ Ефесѣ съ Трифономъ, знаменитѣйшимъ между тогдашними евреями“), писаны были не когда нибудь спустя цѣлое столѣтіе по смерти ап. Іоанна, а много-много 40 лѣтъ послѣ его смерти, писаны тамъ и тогда, гдѣ такъ недавно умеръ самъ ап. Іоаннъ, когда былъ еще живъ Поликарпъ и многіе другіе, видѣвшіе самого апостола. Если даже смотрѣть на діалогъ Іустина не какъ на разговоръ, дѣйствительно происходившій у него съ ученымъ іудеемъ, а только какъ на литературную форму, въ которой Іустинъ хотѣлъ показать превосходство христіанства надъ іудействомъ, то и въ этомъ случаѣ, назначая свое произведеніе очевидно для читающей, образованной публики изъ христіанъ и іудеевъ, онъ не могъ сказать, что ап. Іоаннъ написалъ Апокалипсисъ, если бы это преданіе не было общимъ достояніемъ всего общества ефесскаго — и христіанскаго, и іудейскаго, и вообще всей церкви. Наконецъ, свидѣтельство Іустина объ Апокалипсисѣ тѣмъ большую имѣетъ важность, что оно составляетъ единственное мѣсто во всѣхъ дошедшихъ до насъ его произведеніяхъ, въ которомъ онъ указываетъ имя апостола, какъ писателя. Если же Іустинъ единственный разъ называетъ имя новозавѣтнаго писателя и притомъ по отношенію къ такой книгѣ, которая не указываетъ опредѣленно на своего автора, то ясно, что онъ назвалъ писателемъ Апокалипсиса ап. Іоанна съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинности своихъ словъ, — съ убѣжденіемъ, котораго не могли породить въ немъ ни Апокалипсисъ, ни какое-нибудь случайно слышанное мнѣніе, а именно свидѣтельство лицъ вполне,

по его мнѣнію, компетентныхъ въ данномъ случаѣ. Если мыслимо еще по отношенію къ другимъ христіанскимъ писателямъ, что они, родившись въ христіанской средѣ, уже полной тѣхъ или другихъ взглядовъ и преданій, признававшей тѣ или другіе авторитеты, съ дѣтства усвоили эти преданія и взгляды и слѣдовали авторитетамъ и потомъ безъ повѣрки и критики вносили все это въ свои произведенія, — то ничего подобнаго нельзя сказать объ Іустинѣ, познакомившемся съ христіанствомъ уже въ зрѣломъ возрастѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, мы придаемъ свидѣтельству Іустина особенно важное значеніе не только въ вопросѣ о подлинности Апокалипсиса, но и въ вопросѣ о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи. Если, какъ мы видѣли, Іустинъ говоритъ о подлинности Апокалипсиса, опираясь на вполне достовѣрныя показанія вполне достовѣрныхъ лицъ, на общепризнанное и общеизвѣстное въ тогдашнемъ ефесскомъ—и христіанскомъ, и іудейскомъ—обществѣ преданіе, если (что понятно само собою) въ основѣ этого преданія и этихъ показаній лежало преданіе о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, если, наконецъ, самъ Апокалипсисъ, не говоря прямо объ апостольствѣ своего автора, весьма опредѣленно говоритъ о тѣсныхъ отношеніяхъ этого автора къ церквамъ М. Азіи, чего конечно не могъ не замѣтить образованный философъ: то мы безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ смѣло можемъ сказать, что Іустинъ, утверждая подлинность Апокалипсиса, *implicite* утверждаетъ и фактъ пребыванія ап. Іоанна въ М. Азіи, потому что одно безъ другаго, какъ для насъ, такъ и для Іустина было не мыслимо.

Къ числу „умалчивающихъ“ объ ап. Іоаннѣ отрицательная критика относитъ, какъ мы знаемъ, также и *Папія*, епископа іернопольскаго, написавшаго въ пяти книгахъ: *λογίων χρονικῶν ἐξηγήσεις* и умершаго около 162 года въ гоненіе Марка Аврелія. Такъ какъ произведеніе Папія въ цѣлости до насъ не дошло, а отрывки изъ него, сохранившіеся въ церковной Исторіи Евсевія, очень неопредѣленны и допускаютъ относительно занимающаго насъ вопроса, какъ мы видѣли, всевозможныя толкованія, то мы и не стали бы собственно настаивать на томъ, чтобы отвести Папія къ

числу „говорящихъ“ и рѣшительно свидѣтельствующихъ о малоазійскомъ пребываніи ап. Іоанна и согласились бы пройти его молчаніемъ, какъ „умалчивающаго“. Но во 1-хъ, въ виду тѣхъ слѣдствій, какія выводитъ изъ молчанія Папія Шольтенъ, и во 2-хъ, въ виду важной роли, какую играетъ самъ Папій въ показаніяхъ Иринея и Евсевія и въ особенности въ виду важности того обстоятельства, что Папій надѣлилъ Кейма и вообще отрицательную критику драгоцѣннымъ сокровищемъ въ лицѣ своего „пресвитера Іоанна“, — мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ „умалчивающемъ“ Папій.

„Такъ какъ, говоритъ Шольтенъ, произведеніе Папія потеряно и такъ какъ поэтому оно не можетъ быть источникомъ для нашего изслѣдованія, то вопросъ о томъ, говоритъ ли Папій о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, или нѣтъ—можно бы считать бесполезнымъ. Но однако это не такъ. Если мы не можемъ читать самого Папія, то мы спросимъ: Иринея и Евсевій, читавшіе произведенія Папія, находили ли въ немъ извѣстія относительно пребыванія Іоанна въ М. Азіи? Но никакого слѣда объ этомъ нельзя открыть у Иринея... Тоже самое и у Евсевія, также читавшаго произведеніе Папія“ (стр. 21—22). „Это конечно доказываетъ, продолжаетъ тотъ же критикъ, что онъ (Евсевій), какъ и Иринея до него, также мало находилъ у Папія что-нибудь такое, что имѣло хотя какое нибудь отношеніе къ этому (преданію объ ап. Іоаннѣ). Въ противномъ случаѣ Евсевій, а также и Иринея не преминули бы сослаться на этого древняго свидѣтеля изъ Азіи... Но не мыслимо, чтобы Папій, который перечисляетъ между апостолами также Іоанна, умолчалъ о его пребываніи въ М. Азіи, если бы онъ имѣлъ свѣдѣнія объ этомъ. Если же однако онъ не имѣлъ никакого объ этомъ извѣстія, тогда ясно, что Іоаннъ тамъ не былъ“ (§ 24—25).

Семнадцать столѣтій тому назадъ писано сочиненіе и потеряно и его читаютъ какъ сейчасъ написанное и находящееся передъ глазами! До какого совершенства можетъ иногда доходить изобрѣтательность человѣческая! Если мы не можемъ читать самого Папія, говоритъ Шольтенъ, то это еще не бѣда, мы можемъ и не читая сказать, какъ дважды-два четыре, что въ немъ ничего не нашель ни Иринея, ни Евсевій, что и самъ Папій ничего не зналъ о малоазійскомъ преданіи объ ап. Іоаннѣ и что слѣд. ап. Іоаннъ и не былъ въ М. Азіи. Эта аргументація Шольтена была бы доказательна,

если бы она хотя сколько нибудь была основательна, но Шольтенъ не доказалъ ни того, что Иринеи и Евсевій не нашли въ произведеніи Папія ничего о малоазійскомъ пребываніи ап. Іоанна, ни того далѣе, что самъ Папій ничего не зналъ объ этомъ пребываніи, если бы дѣйствительно онъ въ своемъ произведеніи не говорилъ о немъ ни слова.

Ни Иринеи, ни Евсевій, сообщающіе намъ свѣдѣнія о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, дѣйствительно ни гдѣ не ссылаются на Папія; но это значитъ не то, чтобы они ничего не нашли объ этомъ у Папія, а только то, что руководиться свѣдѣніями о жизни ап. Іоанна, сообщаемыми этимъ писателемъ, ни тотъ, ни другой не имѣли побужденій. Иринеи, ученикъ Поликарпа, ученика и слушателя ап. Іоанна, передаетъ намъ о жизни и дѣлахъ названнаго апостола не вычитанное имъ тамъ или здѣсь, не заимствованное изъ книгъ и писанныхъ источниковъ, а только то, что онъ слышалъ отъ Поликарпа и другихъ очевидцевъ Іоанна. Ссылатся приэтомъ на Папія, котораго онъ лично не зналъ, — для Иринея очевидно не было ни малѣйшаго побужденія. Точно также и Евсевій не имѣлъ мотивовъ для указанія на Папія, когда писалъ объ Іоаннѣ. Мы уже имѣли случай выше говорить о тѣхъ источникахъ, которыми Евсевій пользовался въ своемъ повѣствованіи объ ап. Іоаннѣ. Именно, онъ ссылается на Климента Александрійскаго и главнымъ образомъ на Иринея, какъ на „свидѣтелей достойныхъ вѣроятія, какъ охранителей церковнаго православія“. Папій же, по мнѣнію Евсевія, во 1-хъ не былъ слушателемъ ап. Іоанна и получилъ стало быть свѣдѣнія о немъ, какъ и Иринеи, изъ вторыхъ рукъ, во 2-хъ часто „передавалъ нѣчто близкое къ баснословію“ и въ 3-хъ „былъ человекъ ума весьма ограниченнаго, сколько можно заключить изъ его сочиненій“ (Ц. Ист. III, 39), былъ словомъ такой писатель, котораго Евсевій никакъ не могъ отнести къ „свидѣтелямъ достойнымъ вѣроятія и охранителямъ православія“. Такимъ образомъ, отсутствіе указаній на Папія въ повѣствованіяхъ объ Іоаннѣ у Иринея и Евсевія ни на что не указываетъ и ничего ровно не доказываетъ, и произведеніе Папія слѣд. какъ потерянное не можетъ „служить источникомъ“ при рѣ-

шеніи вопроса о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи и не даетъ права дѣлать по этому вопросу никакихъ заключеній.

Но допустимъ вмѣстѣ съ Шольтепомъ, что у Папія дѣйствительно ни Иринея, ни Евсевій ничего не встрѣтили относительно мало-азійскаго пребыванія ап. Іоанна, тѣмъ не менѣе согласиться съ тѣмъ заключеніемъ, какое дѣлаетъ изъ этого Ш., мы не находимъ никакой возможности. „Немыслимо, говоритъ Ш., чтобы Папій, который перечисляетъ между апостолами также Іоанна, умолчалъ о его пребываніи въ М. Азіи, еслибы онъ имѣлъ свѣдѣнія объ этомъ. Еслиже однако онъ не имѣлъ этихъ свѣдѣній, тогда ясно, что Іоаннъ тамъ не былъ“. Но самъ Ш. на страницѣ 49 говоритъ, что мнѣніе о написаніи Апокалипсиса ап. Іоанномъ твердо установилось ранѣе Іустина, а вмѣстѣ съ этимъ само собою и мнѣніе о пребываніи ап. Іоанна на Патмосѣ и въ М. Азіи вообще, — что Иринея нашелъ преданіе объ Іоаннѣ уже готовымъ въ М. Азіи; затѣмъ мы знаемъ, что Поликрать Ефесскій также ясно свидѣтельствуетъ о мало-азійскомъ пребываніи ап. Іоанна въ своемъ посланіи къ Виктору. Мыслимо ли, спросимъ мы въ свою очередь, чтобы Папій, малоазіецъ, современникъ Іустина, Иринея и Поликрата — тоже малоазіецъ, Папій, собиравшій отовсюду различныя преданія объ апостольскомъ времени, мыслимо ли, чтобы этотъ Папій могъ не слышать и не знать „твердо установившагося“ мало-азійскаго преданія объ ап. Іоаннѣ? Да и самъ Ш. не отрицаетъ вѣроятности того предположенія, что Папій заимствовалъ свой хиліазмъ изъ Апокалипсиса и соглашается съ свидѣтельствомъ Андрея и Арефы относительно того, что Папій считалъ Апокалипсисъ произведеніемъ ап. Іоанна (S. 28). Если такъ, то, по извѣстной уже намъ теоріи самого Ш. о происхожденіи преданія объ ап. Іоаннѣ, Папій долженъ былъ знать объ этомъ преданіи, такъ какъ оно по Ш. обязано исключительно Апокалипсису, и Ш., относя Папія къ числу не знавшихъ „твердо установившагося преданія“, очевидно противорѣчитъ самому себѣ ¹⁾.

¹⁾ Шольтевъ впрочемъ со свойственной ему безцеремонностью старается примирить это противорѣчіе. «Папій могъ приписать Апокалипсисъ ап. Іоанну, но изъ этого не слѣдуетъ, говоритъ ученый, чтобы онъ думалъ, что Іоаннъ написалъ

Что касается далѣе того, мыслимо ли молчаніе Папія о пребываніи ап. Іоанна въ Малой Азіи въ его „изъясненіи Господнихъ изрѣченій“, то вопреки мнѣнію Шольтена намъ кажется это молчаніе вполне мыслимымъ. Папій, писавшій въ М. Азіи, гдѣ преданіе объ Іоаннѣ твердо установилось, писавшій „Изъясненіе Господнихъ изрѣченій“, а не церковную исторію, — очевидно не имѣлъ побужденій упоминать о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, такъ какъ это съ одной стороны не имѣло никакого отношенія къ „Изъясненію Господнихъ изрѣченій“, съ другой и безъ напоминаній Папія было всеѣмъ извѣстно. Если же III. настаиваетъ на необходимости со стороны Папія сказать о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи особенно тамъ, гдѣ онъ, перечисляя другихъ апостоловъ, упоминаетъ и объ ап. Іоаннѣ, то въ такомъ случаѣ нужно требовать отъ Папія упоминанія и о судьбѣ всѣхъ другихъ упомянутыхъ имъ апостоловъ; если же онъ по отношенію къ этимъ послѣднимъ, преданіе о которыхъ было менѣе извѣстно въ М. Азіи, ограничивается однимъ только названіемъ имени каждаго изъ нихъ, то тѣмъ болѣе онъ не имѣлъ побужденій говорить подробнѣе объ Іоаннѣ, о жизни котораго М. Азія знала больше, чѣмъ о жизни какого нибудь другаго апостола. Да и самая конструкція рѣчи въ данномъ случаѣ не даетъ мѣста для біографическихъ подробностей. Папій пишетъ: „я заботливо распрашивалъ объ ученіи старцевъ, напр. что говорилъ Андрей, что Петръ, что Филиппъ, что Ѳома или Іаковъ, что Іоаннъ или Матеей, либо кто другой изъ учениковъ Господа (Ц. Ист. Евс. III, 39). Очевидно, что въ данномъ мѣстѣ для Папія, желавшаго придать особенный вѣсъ своимъ „изъясненіямъ“ и съ этою цѣлю указывавшаго на самихъ апостоловъ, какъ на источникъ этихъ изъясненій, — важно было сказать не то, кто изъ апостоловъ гдѣ жилъ, когда и какъ умеръ, а только то, что они были „ученики Господа“ и что онъ „заботливо распрашивалъ объ ихъ ученіи“, о томъ, что они го-

его въ М. Азіи и слѣд. жилъ тамъ... ничто не препятствовало (?) ему предположить, что Іоаннъ написалъ Апокалипсисъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и оттуда прислалъ его церквамъ М. Азіи» (s. 29). Едвали это отважное предположеніе Шольтена, нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчающаго себя препятствій, заслуживаетъ серьезнаго опроверженія.

ворили. Итакъ молчаніе Папія въ приведенномъ мѣстѣ (а это единственный отрывокъ изъ произведенія Папія, сохранившійся въ Ц. Ист. Евсевія) о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи не только мыслимо, но оно даже и требовалось, и заключать въ данномъ случаѣ къ незнанію Папія о малоазійскомъ преданіи относительно ап. Іоанна нѣтъ никакихъ основаній. Если наконецъ предположить, что Папій дѣйствительно ничего не зналъ о разсматриваемомъ нами преданіи, то и тогда, въ виду столь положительныхъ свидѣтельствъ за это преданіе Іустина, Иринея, Поликрата, незнаніе Папія не давало бы права на такое категорическое заключеніе, какое выводитъ изъ него Шольтень: „ясно, что ап. Іоаннъ не былъ въ М. Азіи“.

Такимъ образомъ, не смотря на всѣ уступки, на которыя; замѣтимъ, мы не имѣли никакого права, Папій и его потерянное произведеніе ни въ какомъ случаѣ не могутъ „служить источникомъ“ для доказательства мнѣнія Шольтена по вопросу о малоазійскомъ преданіи объ ап. Іоаннѣ ¹⁾).

¹⁾ Что касается отрывка изъ этого потеряннаго «екзегезиса», изъ котораго стараются выяснитъ тѣ отношенія, въ какихъ Папій находился къ ап. Іоанну, то онъ такъ отрывоченъ и неопредѣленъ, что, какъ мы видѣли, допускаетъ самыя различныя объясненія и толкованія. Обстоятельствомъ, которому обязанъ своимъ, можно сказать, сохраненіемъ разсматриваемый отрывокъ Папія, было несогласіе Евсевія съ свидѣтельствомъ Иринея о личныя отношеніяхъ Папія къ ап. Іоанну. Иринея прямо называетъ Папія слушателемъ Іоанна и другомъ Поликарпа (adv. haer. V, 33). Евсевій, пмѣвшій подъ руками сочиненіе Папія, не соглашаясь съ мнѣніемъ Иринея, говоритъ, что «самъ Папій въ предисловіи къ своимъ книгамъ отнюдь не называетъ себя слушателемъ и свидѣтелемъ святыхъ апостоловъ, а говоритъ только, что онъ принялъ ученіе вѣры отъ близкихъ къ нимъ», и приводитъ потомъ самое мѣсто изъ предисловія къ «Изъясненію Господнихъ изрѣченій». Это мѣсто въ русскомъ переводѣ читается такъ: «я не замедлю изложить тебѣ я то, что нѣкогда хорошо узналъ отъ старцевъ и хорошо запомнилъ,—и присоединять объясненія для подтвержденія истины; потому что я, не какъ многіе, радовался не тѣмъ, которые говорятъ многое, а тѣмъ которые учатъ истинѣ,—не тѣмъ, которые припоминаютъ чужія заповѣди, а тѣмъ, которые держатся заповѣдей, преподанныхъ Господомъ для вѣры и происходящихъ отъ самой истины (по другому и болѣе вѣрному чтенію, какъ говоритъ Лютардъ, здѣсь читается: я радовался... тѣмъ, которые держатся заповѣдей, преданныхъ отъ Господа и (тѣмъ), которые происходятъ отъ самой истины); или же когда приходилъ и кто нибудь изъ спутниковъ старцевъ, то я (у нихъ) спрашивалъ о словахъ старцевъ: что Андрей, или что Петръ сказаль, или что Филиппъ, или что Тома, или Іаковъ, или что Іоаннъ, или Мат-

Послѣ Густина и Папія слѣдуетъ Иринеѣ, который, послѣ книги Апокалипсиса, является главнымъ и самымъ достовернымъ свидѣтелемъ преданія о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи. Источники, изъ которыхъ Иринеѣ заимствовалъ свои свѣдѣнія о жизни ап. Іоанна въ М. Азіи, были сами самовидцы ап. Іоанна, рассказы которыхъ непосредственно слушаль и даже ученикомъ одного изъ нихъ, именно Поликарпа, былъ самъ Иринеѣ. Здѣсь такимъ образомъ мы видимъ близкую, посредствуемую только однимъ лицомъ связь между свидѣтелемъ и свидѣтельствуемымъ; пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи, какъ общеизвѣстная и несомнѣнная истина, утверждается Иринеѣмъ съ такою рѣшительностью, что не довѣрять такому свидѣтелю и отрицать малоазійское преданіе объ ап.

ей, или что другой (кто-нибудь) изъ учениковъ Господа; также что говорятъ Аристивъ и пресвитеръ Іоаннъ—ученики Господа. Ибо я полагаю, что книги не столько принесутъ людямъ пользы, сколько живой и постоянный голосъ. Сдѣлавши эту выдержку изъ произведенія Папія, Евсевій на основаніи ея дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «такимъ образомъ, Папій, о которомъ мы теперь говоримъ, сознается, что ученіе апостоловъ онъ принялъ отъ ихъ учениковъ, а Аристіона и пресвитера Іоанна слушаль самъ». (Ц. Ист. III, 39). Такъ какъ и самъ Евсевій въ своей хроникѣ признавалъ Папія ученикомъ ап. Іоанна и такъ какъ Иринеѣ прямо и положительно свидѣтельствовалъ объ этомъ, то общимъ мнѣніемъ до послѣдняго времени было то, что Папій находился въ личныхъ отношеніяхъ къ ап. Іоанну и считался въ числѣ мужей апостольскихъ. Когда же возникло сомнѣніе относительно достоверности пребыванія ап. Іоанна въ М. Азіи, тогда естественно долженъ былъ подвергнуться отрицанію фактъ личнаго знакомства Папія съ названнымъ апостоломъ. Но партія ученыхъ, отстаивающая достоверность м.-азійскаго преданія объ Іоаннѣ, въ свою очередь старается отстоять и преданіе о личныхъ отношеніяхъ Папія къ Іоанну, — причѣмъ какъ та, такъ и другая партія приходятъ къ своимъ заключеніямъ на основаніи одного и того же вышеприведеннаго отрывка изъ Папіева ἐξέγρησις'а съ тою разницею, что первая—отрицательная сторона довѣряетъ больше Евсевію, вторая же наоборотъ, обличая Евсевія въ противорѣчіи самому себѣ, вполнѣ соглашается съ Иринеѣмъ. Такова въ общихъ чертахъ исторія вопроса объ отношеніяхъ Папія къ ап. Іоанну. Такъ какъ мы, помимо Папія и его уцѣлѣвшаго отрывка, имѣемъ другихъ, болѣе компетентныхъ и достоверныхъ свидѣтелей и болѣе опредѣленныхъ свидѣтельствъ въ пользу м.-азійскаго преданія объ Іоаннѣ, то мы не станемъ входить въ подробный анализъ приведенныхъ выше словъ Папія и предоставляемъ читателю рѣшить вопросы: зналъ ли Папій лично ап. Іоанна или нѣтъ? Одинъ Іоаннъ апостольскій упоминается въ отрывкѣ Папія, или два—апостольскій и пресвитеръ? Оба ли Іоанна, по этому отрывку, были въ М. Азіи, или только одинъ—Іоаннъ пресвитеръ, или же ни тотъ, ни другой? Сами же мы обратимся теперь къ другимъ свидѣтелямъ и свидѣтельствамъ въ вопросѣ о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи.

Іоаннѣ, какъ недостоверное, значить, какъ говорить Люкке, не признавать исторіи. Ириней говорить объ ап. Іоаннѣ и его пребываніи въ Малой Азіи не случайно только и мимоходомъ, такъ сказать, не одинъ разъ и не нерѣшительно, а при всякомъ удобномъ случаѣ: и въ своемъ сочиненіи противъ ересей, и въ посланіи къ Виктору римскому, и въ посланіи къ Флорину, — говорить стало быть не только самъ убѣжденный въ истинности своихъ словъ, но и съ полной увѣренностью, что пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи было несомнѣннымъ фактомъ и для еретиковъ, и для православныхъ, и для восточныхъ христіанъ, и для западныхъ. Это тѣмъ большее имѣетъ значеніе, тѣмъ больше убѣждаетъ въ полной достовѣрности разсматриваемаго преданія, что всѣ тѣ лица, къ которымъ писалъ Ириней, вовсе не имѣли никакихъ интересовъ раздѣлять съ нимъ его ошибку, — еслибы Ириней ошибался, утверждая мало-азійское пребываніе ап. Іоанна; напротивъ, въ интересахъ и гностиковъ, и Виктора, и Флорина было, какъ увидимъ, именно противоположное положеніе вещей, и еслибы теперь Ириней, говоря объ ап. Іоаннѣ и его пребываніи въ М. Азіи, говорилъ нѣчто такое, о чемъ никому до этого времени не было извѣстно, какъ думаетъ Кеймъ, что не было несомнѣннымъ, всѣми — и на востокѣ и на западѣ признаваемымъ фактомъ, то безъ всякаго сомнѣнія и гностики, и Викторъ и Флоринъ разоблачили бы эту ошибку Иринея. Повторяемъ, съ одной стороны указаніе Иринея на самовидцевъ и слушателей ап. Іоанна, какъ на источникъ своихъ сказаній объ ап. Іоаннѣ, съ другой — назначеніе своихъ произведеній, въ которыхъ онъ передаетъ эти свѣдѣнія такъ рѣшительно и съ такою увѣренностію, — назначеніе такимъ лицамъ, которыя всего скорѣе могли не повѣрить этимъ свѣдѣніямъ и заподозрить ихъ достовѣрность, — все это ставить свидѣтельства Иринея внѣ всякаго сомнѣнія относительно достовѣрности передаваемого ими факта, дѣлаетъ несомнѣннымъ и неоспоримымъ пребываніе ап. Іоанна въ Малой Азіи.

Чтобы сказанное нами не показалось голословнымъ, нужно только прочесть цѣлый рядъ цитатъ изъ твореній Иринея, въ которыхъ онъ говорить объ ап. Іоаннѣ. Эти цитаты, какъ мы выше

замѣтили, заключаются во 1-хъ въ знаменитомъ сочиненіи Иринея противъ ересей, во 2-хъ, въ его посланіи къ Виктору, еписк. римскому, и въ 3-хъ, въ посланіи къ Флорину, вмѣстѣ съ которыми онъ слушалъ въ своей молодости Поликарпа.

1) Мѣста изъ сочиненія Иринея „Обличеніе лжеименнаго разума“ слѣдующія:

а) Всѣ пресвитеры, обращавшіеся въ Азіи съ Іоанномъ, ученикомъ Господа, утверждаютъ, что это передалъ Іоаннъ, ибо онъ жилъ съ ними до времени Траяна“ (II, 22, 3); б) „Церковь ефесская, которая основана Павломъ и среди которой имѣлъ свое пребываніе до времени Траяна Іоаннъ, есть истинная свидѣтельница апостольскаго преданія (II, 3, 4); в) Послѣ Маттея, Марка и Луки, Іоаннъ ученикъ Господа, лежавшій на Его груди, издалъ свое евангеліе въ то время, когда онъ имѣлъ свое пребываніе въ Азіи въ Ефесѣ“ (III, 1, 1); г) „Не задолго прежде, почти еще въ нашъ вѣкъ, получено откровеніе къ концу царствованія Домиціана“ (V, 30, 3); д) „на основаніи тщательнѣйшихъ и древнѣйшихъ рукописей это (именно 666) есть правильное чтеніе этого (апокалипсическаго) числа. Это утверждаютъ также тѣ, которые видѣли Іоанна лицомъ къ лицу“ (V, 30, 1, ср. Евс. V, 8); е) „Пресвитеры, которые видѣли Іоанна, ученика Господа, помнятъ слышанное отъ Іоанна, что Господь училъ и говорилъ о тѣхъ временахъ“ (V, 33, 4); ж) „Поликарпъ не только принялъ ученіе отъ апостоловъ и обращался со многими видѣвшими Христа, но отъ апостоловъ поставленъ и епископомъ надъ смиренскою церковію въ Азіи. Въ первомъ своемъ возрастѣ и мы видѣли его; ибо онъ жилъ очень долго и отошелъ изъ этой жизни въ глубокой старости, славно и торжественно пострадавъ за Христа... Еще и теперь есть нѣкоторые, слышавшіе отъ него, Поликарпа, какъ Іоаннъ, ученикъ Господа, пришедши однажды въ Ефесъ мыться“ и пр.

При чтеніи всѣхъ этихъ мѣстъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что Иринея говоритъ о пребываніи ап. Іоанна въ Ефесѣ, какъ о фактѣ всѣмъ извѣстномъ, несомнѣнномъ не только для православныхъ, но и для еретиковъ, настолько же историческомъ и достовѣрномъ, насколько такимъ признавался всѣми фактъ пребыванія и дѣятельности въ М. Азіи ап. Павла; для Иринея и для всѣхъ его современниковъ пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи было такою истиною, что Иринея и не говоритъ собственно объ этомъ пребываніи, не доказываетъ этого факта, не напоминаетъ о немъ и не знакомитъ съ нимъ никого, и когда ссылается на самовидцевъ ап. Іоанна, то онъ имѣетъ въ

виду не доказать, что этотъ апостолъ жилъ въ Азіи, а только указать на какойнибудь частный случай изъ его жизни и дѣятельности тамъ; самый же фактъ пребыванія его въ М. Азіи былъ для него, какъ и для всей церкви, не требующимъ никакихъ доказательствъ и подтвержденій. Мы видимъ, что Иринея говоритъ собственно о написаніи Евангелія, Апокалипсиса, о такомъ или иномъ пониманіи апокалипсическаго имени звѣря, о времени смерти апостола, самый же фактъ пребыванія этого апостола въ Ефесѣ полагается имъ какъ общеизвѣстный. Поэтому обвиненіе Иринея въ томъ, что онъ будтобы первый положилъ начало малоазійскому преданію объ ап. Іоаннѣ, какъ думаетъ Кеймъ, вполне неосновательно; неосновательно также и то предположеніе, что Иринея смѣшалъ пресвитера Іоанна, о которомъ онъ узналъ изъ произведенія Пампія, съ апостоломъ того же имени, потому что въ приведенныхъ выше цитатахъ Иринея ссылается не на Пампія, не на его произведеніе, а на всю церковь ефесскую, на самовидцевъ ап. Іоанна, на пресвитеровъ, которые помнятъ, что имъ говорилъ Іоаннъ, лежавшій на груди Господа, Іоаннъ, написавшій откровеніе и Евангеліе. Гдѣ же тутъ „недоразумѣніе“, по которому Иринея называетъ Пампія и Поликарпа, учениковъ будтобы пресвитера Іоанна, учениками и самовидцами Іоанна апостола, какъ думаетъ Кеймъ?

Далѣе, что особенно важно въ приведенныхъ мѣстахъ Иринея, что вполне дѣлаетъ несомнѣннымъ свидѣтельство этого отца о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, — это то, что Иринея, ссылаясь на самихъ очевидцевъ этого апостола, видѣвшихъ его и жившихъ съ нимъ долгое время, ссылается въ произведеніи, адресованномъ не къ простымъ, неученымъ людямъ, не къ христіанамъ какихънибудь обществъ, не знавшихъ христіанскаго преданія, не въ простомъ повѣствованіи о временахъ апостольскихъ, въ которое авторъ могъ занести и не историческое сказаніе о томъ или другомъ апостолѣ, а въ полемическомъ произведеніи, направленномъ противъ еретиковъ, знавшихъ христіанское преданіе, особенно преданіе церквей малоазійскихъ, изъ нѣдръ которыхъ большею частію они выходили, знавшихъ, говоримъ, преданіе этихъ церквей не хуже самого Иринея. Могъ ли Иринея, полемизируя съ еретиками и въ опроверженіе ихъ

лжеученія ссылаясь между прочимъ на ап. Іоанна, сказать, что этотъ апостоль жилъ въ М. Азіи до времени Траяна, что самъ онъ, Иринеѣ, слушалъ самовидцевъ его, могъ ли онъ говорить объ этомъ такъ рѣшительно, съ полной увѣренностью, что это не возбудитъ ни въ комъ никакого сомнѣнія, еслибы Иринеѣ дѣйствительно не могъ слушать самовидцевъ ап. Іоанна и ссылаться на нихъ? Мыслимо ли, чтобы Иринеѣ выдумалъ, какъ думаетъ Шольтенъ, своихъ „старцевъ-очевидцевъ ап. Іоанна“ и обманывалъ бы такимъ образомъ своихъ противниковъ, опровергая ихъ на такомъ шаткомъ основаніи? Считать это мыслимымъ — значитъ съ одной стороны видѣть въ Иринеѣ явнаго и сознательнаго обманщика, а съ другой—въ еретикахъ того времени видѣть людей или ничего не знавшихъ, или ничего не понимавшихъ. Но думать такъ—не значитъ ли совершенно отказаться отъ исторіи и на мѣсто ея ставить вымыслы своей собственной, не знающей границъ фантазіи? Кромѣ того, самъ Иринеѣ ясно различаетъ, что онъ заимствовалъ изъ общаго церковнаго преданія и что слышалъ отъ старцевъ; и еслибы эти старцы были не историческія, жившія при Иринеѣ, лица, а принадлежали, какъ говоритъ Шольтенъ ¹⁾, къ „неисторическому преданію“, тогда совершенно было бы непонятно, какимъ образомъ Иринеѣ въ самомъ преданіи различаетъ это же преданіе и старцевъ. Наконецъ, что дѣлаетъ невѣроятнымъ мнѣніе Шольтена о старцахъ, на которыхъ указываетъ Иринеѣ, какъ на самовидцевъ ап. Іоанна,—это то, что въ числѣ этихъ старцевъ нахо-

¹⁾ Шольтенъ не признаетъ достовѣрности извѣстій Иринеѣ объ ап. Іоаннѣ, полученныхъ имъ отъ старцевъ, между прочимъ потому, что по этимъ извѣстіямъ ап. Іоаннъ рассказывалъ своимъ слушателямъ невѣроятное, именно о тысячелѣтнемъ царствѣ (*adv. haer. V, 33, 4*) и о томъ, что Христу, когда Онъ вступилъ на проповѣдническую дѣятельность, было 40—50 лѣтъ (*ibid. II, 22, 5*). Мы согласны съ Шольтенемъ, что буквально такихъ рассказовъ старцы не могли слышать отъ ап. Іоанна, что рассказы подверглись съ теченіемъ времени въ устахъ самихъ старцевъ измѣненію и искаженію, но это отнюдь не доказываетъ, что и самихъ старцевъ — очевидцевъ и слушателей ап. Іоанна не существовало и рассказы ихъ совершенно выдуманы. Пусть рассказы старцевъ о лѣтахъ Христа и о 1000-лѣтнемъ царствѣ вполнѣ ошибочны, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не существовало самихъ бесѣдъ ап. Іоанна съ малоазійскими христіанами, изъ которыхъ нѣкоторые дожили до времени Иринеѣ.

дился и Поликарпъ, котораго ужъ никакъ нельзя отнести къ „не-историческому преданію“.

Итакъ, на основаніи всего сказаннаго, мы имѣемъ право повторить относительно вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Иринея объ ап. Іоаннѣ тоже, что сказали о нихъ раньше,—именно, что эти свидѣтельства, какъ опирающіяся на самовидцевъ апостола, доказываютъ полную несомнѣнность и дѣйствительность факта пребыванія ап. Іоанна въ М. Азіи.

2) Посланіе Иринея къ Виктору не менѣе, чѣмъ его „Обличеніе лжеименнаго разума“, убѣждаетъ въ исторической достовѣрности разсматриваемаго нами преданія объ ап. Іоаннѣ; оно не оставляетъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что Поликарпъ дѣйствительно былъ ученикомъ ап. Іоанна и что этотъ апостоль дѣйствительно жилъ въ М. Азіи.—Свое посланіе къ Виктору Иринея написалъ по поводу того, что „Викторъ хотѣлъ было отсѣчь отъ единенія епархіи всей Азіи съ сопредѣльными ей церквами, какъ разномыслящія“ съ церквами запада въ обычаѣ относительно времени празднованія пасхи.

„Но это, продолжаетъ Евсеій, не всѣмъ епископамъ правилось; многіе изъ нихъ напротивъ совѣтывали ему чрезъ посланія позаботиться лучше о мирѣ, единеніи и любви съ ближними.. Изъ числа сихъ посланій одно написано Иринею. Въ немъ Иринея хотя и утверждаетъ, что таинство воскресенія Господня должно праздновать только въ день воскресный, однакоже и Виктору, какъ должно, совѣтуетъ не отлучать отъ общенія цѣлыя церкви за то, что онѣ сохраняютъ преданный имъ древній обычай“.

„За этотъ обычай, говоритъ уже Иринея въ самомъ посланіи, никто и никогда не былъ отвергаемъ; напротивъ тѣ самыя, несоблюдавшіе его и предшествовавшіе тебѣ пресвитеры, братія, приходившимъ изъ другихъ, соблюдавшихъ его епархій, посылали евхаристію. Когда блаженный Поликарпъ при Аникитѣ приходилъ въ Римъ, то оба они и касательно другихъ предметовъ не много спорили между собою, но тотчасъ согласились, а объ этомъ вопросѣ и спорить не хотѣли, потому что ни Аникита не могъ убѣдить Поликарпа—не соблюдать того, что онъ всегда соблюдалъ, живя съ Іоанномъ, ученикомъ Господа нашего, и обращаясь съ другими апостолами; ни Поликарпъ не убѣдилъ Аникиту — соблюдать, ибо Аникита говорилъ, что онъ обязанъ сохранять обычаи предшествовавшихъ себѣ пресвитеровъ. Не смотря на такое состояніе дѣлъ, они однакожь находились во взаимномъ общеніи и оба разошлись въ мирѣ“ (Евс. V, 24).

Присоединимъ къ этому нѣкоторыя хронологическія и другія свѣдѣнія, чтобы вполне выяснитъ всю важность приведеннаго свидѣтельства Иринея. Поликарпъ былъ въ Римѣ около 155 года и спорилъ тамъ о пасхѣ съ Аникитой, „діакономъ котораго былъ Елевѳерій“, какъ передаетъ Егезиппъ (Ц. И. Евс. IV, 22). Этотъ діаконъ Елевѳерій, послѣ семилѣтняго епископства Сотира (Ц. И. V предисл.), былъ избранъ самъ на епископскую кафедру, въ Римѣ, которую и занималъ 13 лѣтъ (Ц. И. V, 22). Во время его епископства и гоненія Марка Аврелія, Иринея, бывшій уже уважаемымъ пресвитеромъ Лугдунской или Ліонской церкви, былъ отправленъ въ Римъ галльскими христіанами около 175—180 года съ посланіемъ къ тому же Елевѳерію (Ц. И. V, 4), послѣ 13-лѣтняго епископства котораго сдѣлался епископомъ римскимъ Викторъ. Этому-то преемнику Елевѳерія — Виктору Иринея, уже епископъ Ліонскій, пишетъ теперь посланіе и, совѣтуя ему подражать своимъ предшественникамъ, напоминаетъ ему весьма подробно о спорѣ между Аникитой и Поликарпомъ. Этотъ первый споръ, говоритъ Иринея, не конченъ взаимнымъ соглашеніемъ, потому что Поликарпъ не могъ убѣдить Аникиту поступать такъ, какъ поступалъ онъ вмѣстѣ съ Іоанномъ и другими апостолами, ни Аникита не убѣдилъ Поликарпа соблюдать обычай римской церкви. Теперь остается рѣшить: не выдумалъ ли Иринея самъ этого знакомства Поликарпа съ ап. Іоанномъ, какъ допускаетъ Шольтенъ?—Могъ ли въ самомъ дѣлѣ Иринея знать подробности спора между Аникитой и Поликарпомъ и, если нѣтъ, могъ ли онъ писать объ этомъ Виктору? Этимъ и подобнымъ вопросамъ и недоумѣніямъ не будетъ никакого мѣста, если мы припомнимъ слѣдующія историческія данныя относительно лицъ, причастныхъ спору о пасхѣ. Эти данныя должны убѣдить суроваго критика, что Иринея не могъ ни обмануться самъ, ни обмануть или ввести въ заблужденіе другихъ.

Иринея, какъ мы знаемъ, родился въ М. Азіи около 135 года, лично зналъ Поликарпа и вѣроятно съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ въ Римъ около 154—160 года и уже оттуда былъ отправленъ тѣмъ же Поликарпомъ въ Галлію. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Иринея, говоря въ своемъ сочиненіи противъ

ересей о пребываніи Поликарпа въ Римѣ, указываетъ на такіа частныя событія и выражается въ такой формѣ, что, можно думать, онъ самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ и этого пребыванія и этихъ событій. „Прибывъ въ Римъ, говоритъ Иринея, во время Аникиты, Поликарпъ многихъ изъ еретиковъ обратилъ къ Церкви Божіей и возвѣщалъ, что отъ апостоловъ онъ принялъ только ту истину, которая преподается церковію“. Во всякомъ случаѣ, если Иринея и не былъ въ Римѣ вмѣстѣ съ Поликарпомъ и отправился въ Галлію позднѣе этого времени, то прямой и обыкновенный путь его въ то время былъ все-таки черезъ Римъ, гдѣ безъ сомнѣнія онъ поинтересовался распросить о такомъ важномъ и недавнемъ спорѣ своего учителя Поликарпа. Кромѣ того несомнѣнно извѣстно, что Иринея былъ въ Римѣ у Елевверія, у того самаго, который былъ діакономъ Аникиты и діакономъ, нужно думать, уважаемымъ, если Егезиппъ считалъ нужнымъ замѣтить объ этомъ. Но „значеніе діаконовъ состояло въ томъ, что они были первыми исполнителями всѣхъ порученій, рѣшеній и распоряженій епископа по всѣмъ церковнымъ дѣламъ“. Если такъ, то Елевверій, будучи діакономъ епископа Аникиты и діакономъ почетнымъ и уважаемымъ, весьма вѣроятно присутствовалъ лично во время спора своего епископа съ Поликарпомъ и самъ же, быть можетъ, по обычаю тогдашней церкви записалъ въ церковную хронику этотъ важный фактъ. Къ этому-то Елевверію и былъ отправленъ галльскими христіанами съ посланіемъ Иринея, подробное описаніе которымъ упомянутаго спора даетъ намъ несомнѣнное право полагать, что Иринея или лично отъ Елевверія, или по церковнымъ документамъ ознакомился со всѣми обстоятельствами этого спорнаго дѣла, узналъ доводы той и другой стороны, самый ходъ спора и его послѣдствія. Объ этомъ мы можемъ заключать какъ изъ приведенныхъ уже словъ посланія Иринея къ Виктору, такъ и изъ слѣдующихъ словъ того же посланія: „пресвитеры, жившіе до Сотира и управлявшіе тою церковію, которою ты нынѣ управляешь, именно: Аникита, Пій, Игнъ, Телесфоръ и Кеистъ какъ сами не соблюдали этого обычая въ празднованіи пасхи, такъ и своимъ не позволяли соблюдать его“ и пр. Далѣе нужно припомнить еще и

то, что чрезъ 10 — 12 лѣтъ послѣ этого посѣщенія Иринею Елевѳерія, преемникомъ послѣднему на римской епископской кафедрѣ былъ тотъ самый Викторъ, которому теперь Иринею напоминаетъ о спорѣ Поликарпа съ Аникитой и который вѣроятно, когда Иринею былъ въ Римѣ, проходилъ должность пресвитера или діакона. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе о томъ значеніи, какое имѣлъ во время Виктора и Иринея вопросъ о времени празднованія пасхи, чтобы потомъ во всей рельефности представить свидѣтельство Иринея о Поликарпѣ и его обращеніи съ ап. Іоанномъ.

„Въ то время, говоритъ Евсевій, возникъ въ церквахъ немаловажный спорный вопросъ. Всѣ азійскія епархіи, основываясь на древнемъ преданіи, полагали, что праздникъ спасительной пасхи должно совершать въ четырнадцатый день луннаго мѣсяца... Но прочія церкви во всей вселенной держались не этого обычая, а другаго, перешедшаго по преданію отъ апостоловъ... По сему случаю происходили соборы и совѣщанія епископовъ. Посланіе епископовъ, собиравшихся тогда въ Палестинѣ, существуетъ и до нынѣ. Есть также посланіе и римскаго собора объ этомъ спорномъ предметѣ, подписанное епископомъ Викторомъ. Кромѣ того имѣются посланія епископовъ понтійскихъ.., епархій галликанскихъ, надъ которыми епископомъ былъ Иринею.. Есть также и частныя посланія коринскаго Вакхила и многихъ другихъ“ (Ц. Ист. V, 25).

Итакъ, во время „немаловажныхъ“ споровъ о пасхѣ, охватившихъ всѣ церкви востока и запада, когда и азійскіе, и африканскіе, и европейскіе епископы собирались на совѣщанія, собирали соборы и писали посланія, по тому же спорному вопросу было совѣщаніе и у „галликанскихъ епархій“ подъ предсѣдательствомъ Иринея, который „отъ лица галльскихъ подчиненныхъ ему братій“ пишетъ также посланіе и посылаетъ его къ римскому епископу Виктору и къ римскому собору. Въ своемъ посланіи галликанская церковь и ея епископъ Иринею, убѣждая церковь римскую и ея епископа Виктора хранить миръ и единеніе со всею церковію, указываетъ прекрасный примѣръ такого единенія между Аникитой и Поликарпомъ, причѣмъ подробно описываетъ самый ихъ споръ по тому же вопросу и его результаты и наконецъ говоритъ: „ни Аникита не могъ убѣдить Поликарпа — не соблюдать того, что онъ всегда соблюдалъ, живя съ Іоанномъ, ученикомъ Господа на-

шего и обращаясь съ другими апостолами: ни Поликарпъ не убѣдиль Аниекиту“. Кто же этотъ Иринеи, отправившій такое посланіе римской церкви, гдѣ также былъ „соборъ объ этомъ спорномъ предметѣ?“ Иринеи-малоазіецъ „лично видѣлъ Поликарпа въ первомъ своемъ возрастѣ“, вѣроятно съ нимъ же вмѣстѣ былъ въ Римѣ при Аникитѣ, несомнѣнно былъ тамъ при Елевѣеріѣ и вѣроятно познакомился въ это время съ Викторомъ, зналъ всѣ подробности относительно спора Поликарпа съ Аникитой и вообще относительно пребыванія Поликарпа въ Римѣ, гораздо ранѣе, еще въ своемъ сочиненіи противъ ересей, писалъ, что Поликарпъ былъ въ Римѣ во время Аникиты, что онъ принялъ ученіе отъ апостоловъ и затѣмъ, наконецъ, отъ лица всей галльской церкви повторяетъ тоже самое и въ посланіи къ Виктору. Кто же этотъ Викторъ? Викторъ—преемникъ Елевѣерія, бывшаго діакономъ при Аникитѣ; отъ него, какъ отъ своего непосредственнаго предшественника, Викторъ безъ всякаго сомнѣнія получилъ самыя подробныя свѣдѣнія о немаловажномъ спорномъ предметѣ того времени; говоримъ „безъ всякаго сомнѣнія“ потому, что Викторъ уже какъ епископъ и епископъ апостольской кафедрѣ долженъ былъ знать преданіе и исторію своей церкви, а тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ знать о пасхальномъ спорѣ Аникиты съ Поликарпомъ, такъ какъ съ одной стороны его непосредственный предшественникъ лично присутствовалъ при этомъ спорѣ, съ другой—самъ Викторъ особенно интересовался этимъ вопросомъ, придавалъ ему особенную важность и первый изъ-за этого вопроса „хотѣлъ было отсѣчь отъ единенія епархіи всей Азіи“. Кромѣ того, прежде чѣмъ Викторъ рѣшился отсѣчь, онъ созвалъ въ Римѣ соборъ, на которомъ безъ сомнѣнія спорный вопросъ разсматривался со всѣхъ сторонъ и, благодаря сохранявшимся при церкви документамъ, не остался неизвѣстными и тѣ основанія, которыя когда-то приводилъ Поликарпъ въ оправданіе малоазійскаго обычая. Наконецъ, тѣже самыя основанія, на которыя опирался въ своемъ спорѣ Поликарпъ и о которыхъ говоритъ въ посланіи къ Виктору Иринеи, выставляетъ въ защиту малоазійскаго обычая и епископъ ефесскій Поликратъ въ своемъ „посланіи къ Виктору и римской церкви“, въ кото-

ромъ онъ пишетъ: „мы празднуемъ этотъ день непогрѣшительно, ничего не прибавляя и не отнимая. Въ Азіи погребены великіе началовожди... и всѣ они праздновали пасху по Евангелію въ четыредесятый день“, и между этими началовождями Поликратъ упоминаетъ „Іоанна, который возлежалъ на персяхъ Господа, былъ священникомъ и носилъ дщицу, былъ исповѣдникомъ и учителемъ и погребенъ въ Ефесѣ“ (Евс. Ц. Ист. V, 24).

Что же значить, послѣ сказаннаго нами, послѣ всѣхъ этихъ историческихъ данныхъ, слѣдующее заключеніе Шольтена, какое онъ выводитъ изъ посланія Иринея къ Виктору: „все, что вытекаетъ изъ этого посланія, ограничивается только тѣмъ, что Иринеи, на основаніи преданія, принялъ это (преданіе о личномъ обращеніи Поликарпа съ ап. Іоанномъ) въ свое время на добрую вѣру“ (стр. 62). Иринеи *на основаніи преданія* повѣрилъ личному обращенію съ ап. Іоанномъ Поликарпа, о которомъ онъ говоритъ, что „и мы видѣли его?“ Смирнская церковь въ своемъ посланіи о мученической кончинѣ своего епископа Поликарпа, писанномъ черезъ годъ послѣ его смерти, какъ это видно изъ самаго посланія ¹⁾, тоже на основаніи преданія говоритъ о немъ: „и этотъ дивный, современный намъ учитель *апостольскій* и *пророческій*?“ А Викторъ и римская церковь тоже приняла слова Иринея „на добрую вѣру“, — Викторъ „хотѣвшій было отсѣчь отъ единенія епархіи всей Азіи“ за ту же „добрую вѣру?“ Но еще страннѣе въ виду сказаннаго нами объ отношеніи Иринея и Виктора къ спору о пасхѣ между Поликарпомъ и Аникитой слѣдующія соображенія и заключенія того же критика:

„Самое посланіе (Иринея къ Виктору), говоритъ онъ, можетъ быть подлиннымъ и содержаніе его въ главномъ можно считать историческимъ извѣстіемъ относительно спора между Поликарпомъ и Аникитой (какая сходимость!) но что поручится намъ въ томъ, что тѣ слова посланія, въ которыхъ говорится о ссылкѣ Поликарпа на Іоанна и его обращеніи съ этимъ апостоломъ, заимствованы у самого Поликарпа, и не выражаютъ ли

¹⁾ Въ этомъ мартірологѣ смирнской церкви читаемъ: «Господь соизволилъ намъ праздновать день его мученическаго рожденія» (т. е. день смерти). Ц. Ист. Евс. IV, 15.

они собственно мнѣнія Иринея? Слѣдовательно, посланіе къ Виктору не есть непосредственное свидѣтельство. Поликарпа, а содержитъ разсказъ Иринея, который, какъ и все остальное, что сообщаетъ Иринея о Поликарпѣ и его обращеніи съ Іоанномъ, не выдерживаетъ пробы вѣроятности“ (стр. 62).

Коротко и ясно, но ни мало не доказательно. И споръ между Поликарпомъ и Аникитой — фактъ историческій, и посланіе къ Виктору — подлинно, и главное содержаніе его можетъ быть признано за историческое извѣстіе: все это, какъ не противорѣчащее мнѣ, говоритъ Шольтенъ, и съ чѣмъ безъ ущерба для своей цѣли я могу согласиться, — все это ясно, доказательно и не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ. Но вотъ свидѣтельство Иринея о томъ, что будто бы Поликарпъ говорилъ Аникитѣ о своемъ обращеніи съ ап. Іоанномъ, требуетъ „ручательства“ для своей достовѣрности и, только спросивъ о такомъ ручательствѣ и не найдя его, Шольтенъ категорически заявляетъ: „слѣдовательно“ такого ручательства нѣтъ и слѣда, свидѣтельство Иринея не выдерживаетъ „пробы вѣроятности“. Это quasi научная аргументація ученаго критика находить, какъ это очевидно, свое полное опроверженіе въ представленномъ нами выше очеркѣ вопроса о пасхѣ и споровъ объ этомъ предметѣ при Аникитѣ и Викторѣ.

Вполнѣ убѣжденные, что произведеніе Иринея противъ ересей и его посланіе къ Виктору представляютъ полныя ручательства и неопровержимыя доказательства для всякаго, даже крайняго скептика, — только не для человѣка предвзятой идеи, — относительно совершенной достовѣрности преданія о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи; мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію третьяго письменнаго памятника того же Иринея, именно къ разсмотрѣнію его посланія къ Флорину.

3) Достаточно только прочесть одно это посланіе, чтобы убѣдиться во 1-хъ въ томъ, что Иринея не могъ ошибиться въ своихъ извѣстіяхъ относительно Поликарпа, своего учителя; во 2-хъ, что Поликарпъ былъ непосредственнымъ ученикомъ и слушателемъ ап. Іоанна и въ 3-хъ, что ап. Іоаннъ жилъ и училъ въ М. Азіи.

„Бывъ еще отрокомъ, говорится въ этомъ посланіи, я видѣлъ тебя (Флорина) въ Нижней Азіи у Поликарпа, когда ты былъ знаменитъ при дворѣ царя и домогался его благоволенія. Потому что случившееся въ то время я помню лучше, чѣмъ недавнее... Я могъ бы указать мѣсто, гдѣ сидѣлъ и бесѣдовалъ блаженный Поликарпъ, его входы и выходы, могъ бы изобразить особенности его образа жизни и внѣшній видъ, изложить его бесѣды съ народомъ и то, какъ онъ рассказывалъ о своемъ обращеніи съ Іоанномъ и съ прочими видѣвшими Господа, какъ онъ по памяти передавалъ ихъ рѣчи и содержаніе того, что онъ слышалъ отъ нихъ о Господѣ, что онъ получилъ отъ самовидцевъ Слова жизни... По Божіей милости ко мнѣ, я и тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа, я записывалъ слова его не на бумагѣ, а въ сердцѣ и благодать Божія помогаетъ мнѣ всегда сохранять ихъ въ свѣжей памяти“.

Какъ живы и отчетливы эти воспоминанія Ириней! Какъ ясны и опредѣленны всѣ эти замѣчательныя подробности изъ жизни, бесѣдъ и разговоровъ Поликарпа, представленныя его ученикомъ! Какъ торжественно заявляетъ Ириней, что воспоминанія отрочества срослись съ его душой, что они для него—драгоценное сокровище, предметъ самаго заботливаго попеченія! Ириней не забылъ не только самой фигуры старца, его походки, его входовъ и выходовъ, онъ помнить его привычки, особенности его тѣлодвиженій, внѣшняго вида, онъ можетъ изложить его бесѣды, помнить даже то, какъ „онъ, Поликарпъ, припоминалъ слова апостоловъ и то, что слышалъ отъ нихъ о Господѣ“. Можно ли еще и послѣ такихъ отчетливыхъ и опредѣленныхъ описаній ученикомъ своего учителя говорить, что Ириней не понялъ Поликарпа, что онъ тогда былъ еще маленькимъ мальчикомъ, какъ думаетъ Кеймъ. Прекрасный отвѣтъ даетъ на это Вабницъ: „мыслимо ли, говорить онъ, чтобы Флоринъ, который по словамъ разсматриваемаго посланія „былъ знаменитъ при царскомъ дворѣ“, былъ въ сношеніяхъ съ младенцемъ или маленькимъ мальчикомъ, мыслимо ли, чтобы такой малютка былъ ученикомъ Поликарпа, съ которымъ Флоринъ бесѣдовалъ о предметахъ, понятныхъ только взрослому? Такое предположеніе представляется по меньшей мѣрѣ наивнымъ. Малютка, присутствующій при бесѣдахъ богословскаго или другаго какого серьезнаго содержанія, — не возбуждаетъ ли это улыбку?“ Если же

слова Иринея къ Флорину заслуживаютъ полнаго довѣрія, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Поликарпъ находился въ личныхъ отношеніяхъ къ ап. Іоанну и что послѣдній поэтому жилъ въ М. Азіи, потому что въ разсматриваемомъ документѣ Иринея ясно говоритъ объ ап. Іоаннѣ и о непосредственныхъ къ нему отношеніяхъ Поликарпа. Иринея говоритъ: „я могу изложить и то, какъ онъ, апостольскій старецъ Поликарпъ, разсказывалъ о своемъ обращеніи съ Іоанномъ и съ прочими, видѣвшими Господа... что онъ получилъ отъ самовидцевъ Слова жизни“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ Іоанномъ здѣсь разумѣется апостоль, который, по извѣстнымъ уже намъ мѣстамъ изъ сочиненія Иринея противъ ересей, написалъ Евангеліе, Апокалипсисъ, былъ однимъ „изъ прочихъ апостоловъ“, съ которыми обращался Поликарпъ, который наконецъ возлежалъ на груди Господа. Но послѣ всего этого, послѣ столь торжественнаго завѣренія Иринея въ вѣрности своихъ словъ, столь отчетливыхъ и ясно создаваемыхъ имъ воспоминаній о Поликарпѣ и его словахъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ нибудь „недоразумѣніяхъ“, „погрѣшностяхъ“, „роковыхъ ошибкахъ и смѣшеніяхъ“.

Шольтенъ не впадаетъ въ эту очевидную ошибку Кейма. „Знакомство, которое существовало между Поликарпомъ и ап. Іоанномъ, говоритъ Шольтенъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ Иринея здѣсь (въ посланіи къ Флорину) весьма торжественно увѣряетъ, что онъ слышалъ объ этомъ изъ устъ самого Поликарпа“ (стр. 63). Но Шольтенъ, какъ мы знаемъ, ранѣе объявилъ, что пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи— „фигція“, что по его хронологическимъ вычисленіямъ всѣ апостолы умерли еще до 70 года перваго столѣтія и что слѣд. объ обращеніи Поликарпа съ ап. Іоанномъ не можетъ быть и рѣчи. Но вотъ встрѣчается документъ, который по словамъ самого же Шольтена непрерываемо свидѣтельствуеетъ, что ап. Іоаннъ жилъ въ М. Азіи и бесѣдовалъ тамъ между прочимъ съ Поликарпомъ. Все это такъ, говоритъ Ш., но... документъ-то этотъ не заслуживаетъ довѣрія, — онъ неподлинный. Мы не станемъ опровергать Ш. и доказывать подлинности посланія Иринея къ Флорину, — это было бы далеко отъ цѣли нашего изслѣ-

дованія, а главное было бы бесполезно, потому что „отрицательная критика, какъ говоритъ Лейшнеръ, давно положила себѣ за правило—все, въ чемъ встрѣчается на пути къ ея цѣлямъ препятствіе, считать ложнымъ“, а противъ такихъ критическихъ приѣмовъ всякій споръ былъ бы напрасенъ. Для насъ достаточно въ данномъ случаѣ указать во 1-хъ, что и въ подлинномъ произведеніи Иринея, именно въ его сочиненіи противъ ересей, Иринея также ясно говоритъ объ обращеніи Поликарпа съ ап. Іоанномъ, какъ и въ неподлинномъ будтобы посланіи къ Флорину, и 2-хъ, что Шольтенъ въ своемъ „историко-критическомъ изслѣдованіи“ нацѣленно опустилъ изъ сочиненія Иринея противъ ересей то именно мѣсто, въ которомъ говорится объ этомъ личномъ знакомствѣ Поликарпа съ ап. Іоанномъ. Шольтенъ (на стр. 39) одно и тоже мѣсто Иринея раздѣлилъ на двѣ отдѣльныя цитаты, причемъ пропускаетъ тѣ слова Иринея, въ которыхъ онъ говоритъ о своемъ личномъ знакомствѣ съ Поликарпомъ. Подъ пунктомъ 3, Шольтенъ приводитъ слѣдующія слова: „Поликарпъ не только принялъ ученіе отъ апостоловъ и обращался со многими видѣвшими Христа, но отъ апостоловъ также поставленъ и епископомъ надъ смиренскою церковію въ Азіи“. Затѣмъ подъ слѣдующимъ пунктомъ выписываетъ слѣдующее: „Поликарпъ, который при Аникитѣ приходилъ въ Римъ („многихъ изъ вышеупомянутыхъ еретиковъ обратилъ къ Церкви Божіей“ — пропущено), возвѣщалъ одну только вѣчную истину, которую онъ получилъ отъ апостоловъ“. Понятно, что приведенныя цитаты позволяютъ Шольтену говорить о томъ, что Иринея „по преданію“ „по доброй вѣрѣ“ считалъ Поликарпа ученикомъ апостоловъ и что онъ ими даже поставленъ во епископа. Но дѣло въ томъ, что между приведенными Шольтенемъ мѣстами Иринея находятся такія слова, которыя, какъ и посланіе къ Флорину, не позволяютъ ссылаться на „преданіе“ и прибѣгать къ „доброй вѣрѣ“, при которыхъ уже нѣтъ мѣста тѣмъ условіямъ, которыя представляетъ Шольтенъ: „совсѣмъ другое было бы положеніе дѣла“, говоритъ онъ, „если бы оказалось, что Иринея не на основаніи невѣроятнаго преданія, а чрезъ личную бесѣду съ самимъ Поликарпомъ зналъ, что онъ (Поликарпъ) обращался съ этимъ апостоломъ

(Іоанномъ) въ М. Азіи“ (стр. 63). Іриней послѣ словъ, помѣщенныхъ у Ш. подъ пунетомъ 3 именно и говоритъ: „въ первомъ своемъ возрастѣ и мы видѣли его (Поликарпа), ибо онъ жилъ очень долго и отошелъ изъ этой жизни въ глубокой старости, славно и торжественно пострадавъ за Христа. Онъ всегда училъ тому, чему научился отъ апостоловъ, что преподаетъ церковь и что одно только истинно“. Очевидно, что это подлинное свидѣтельство Іриней о Поликарпѣ совершенно тождественно съ „неподлиннымъ“ свидѣтельствомъ въ посланіи къ Флорину. „Я видѣлъ Поликарпа“—говоритъ Іриней въ произведеніи противъ гностиковъ, „я помню, какъ онъ рассказывалъ“—говоритъ онъ въ посланіи къ Флорину; тамъ и здѣсь Поликарпъ—ученикъ апостольскій, обращавшійся съ самовидцами Слова жизни. Если же Іриней въ посланіи къ Флорину говоритъ о Поликарпѣ подробнѣе, чѣмъ въ сочиненіи противъ ересей, то это обуславливалось спеціальнымъ назначеніемъ посланія для Флорина, вмѣстѣ съ которымъ онъ слушалъ бесѣды Поликарпа. Если такимъ образомъ Шольтенъ готовъ признать пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ, если бы только, по его словамъ, посланіе къ Флорину было подлиннымъ произведеніемъ Іриней, то онъ, и отрицая послѣднее, долженъ признать первое, потому что и помимо посланія къ Флорину Іриней представляетъ такія же несомнѣнныя и убѣдительныя данныя относительно малоазійскаго преданія объ ап. Іоаннѣ, какъ и это, будто бы неподлинное посланіе.

Итакъ Іриней — въ своемъ полемическомъ произведеніи противъ гностиковъ предъ цѣлымъ христіанскимъ міромъ, предъ всѣми православными и неправославными, въ посланіи къ Виктору — официально предъ римской церковію, въ задушевномъ посланіи къ Флорину предъ своимъ товарищемъ и соученикомъ Поликарпа—и тамъ и здѣсь заявляетъ, что онъ видѣлъ и спрашивалъ старцевъ-самовидцевъ ап. Іоанна, что онъ видѣлъ и слушалъ Поликарпа, ученика ап. Іоанна, епископа Смирны, апостолами поставленнаго и вмѣстѣ съ ними праздновавшаго Пасху.

Послѣ Иринея за малоазійское преданіе объ ап. Іоаннѣ говорятъ:

1) *Мелитонъ*, еп. сардійскій, о которомъ Поликрать въ своемъ посланіи къ Виктору говоритъ какъ уже объ умершемъ и какъ „праздновавшемъ Пасху въ четырнадцатый день по Евангелію“ (Евс. Ц. И. V, 24). По свидѣтельству же Евсевія, онъ написалъ двѣ книги о Пасхѣ „по поводу великаго спора о Пасхѣ“, какъ свидѣтельствуеетъ самъ Мелитонъ въ началѣ этого сочиненія, и (писалъ) „объ откровеніи Іоанна“ (Евс. Ц. И. IV, 24). При чтеніи этихъ свидѣтельствъ не можетъ быть сомнѣнія, что Мелитонъ, современникъ Поликарпа, участвовавшій въ спорѣ о Пасхѣ и праздновавшій ее „въ 14-й день по Евангелію“, написавшій наконецъ книгу объ Апокалипсисѣ, который, безъ сомнѣнія, считалъ книгою апостольскою, — зналъ и утверждалъ малоазійское пребываніе ап. Іоанна.

2) *Аполлоній*, жившій въ концѣ II в., въ своихъ сочиненіяхъ, какъ свидѣтельствуеетъ Евсевій (Ц. И. V, 18), пользовался откровеніемъ Іоанна и рассказывалъ, что „въ Ефесѣ Іоаннъ божественною силою воскресилъ мертвого“. Нѣтъ сомнѣнія, что Аполлоній, приписывая Апокалипсисъ и воскрешеніе мертвого Іоанну, разумѣлъ подъ послѣднимъ не кого другаго, какъ Іоанна апостола. Евсевій въ своемъ рефератѣ объ Аполлоніѣ ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, что этотъ писатель считалъ апокалиптика личностію, отдѣльною отъ апостола и, еслибы у Аполлонія была рѣчь объ Іоаннѣ, напр. пресвитерѣ, и о воскрешеніи чрезъ этого Іоанна, то безъ всякаго сомнѣнія Евсевій не преминулъ бы объ этомъ замѣтить. Кромѣ того извѣстно, что до Діонисія Александрійскаго никто не высказывался объ Апокалипсисѣ, какъ произведеніи пресвитера Іоанна, и никто не отрицалъ его апостольскаго происхожденія.

3) Точно также Апокалипсисомъ пользовался *Теофилъ Антиохійскій* въ своемъ сочиненіи противъ еретика Ермогена (Евс. Ц. И. IV, 24). Въ полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ еретика, едва ли бы Теофилъ сталъ пользоваться книгою не авторитетною для противника, не апостольскою. Да и вообще къ концу II в., когда писалъ Теофилъ, преданіе объ Іоаннѣ, какъ мы ви-

дѣли, было всеобщимъ и было извѣстно не только въ Азіи, но и въ Африкѣ и въ Европѣ; слѣдовательно и Теофилъ, ссылаясь на откровеніе Іоанна, утверждалъ его пребываніе въ М. Азіи, такъ какъ первое безъ втораго немислимо.

4) Авторъ *мураторіева фрагмента*, писатель 2-й половины II в., написаніе 4-го Евангелія и Апокалипсиса приписываетъ ап. Іоанну. Говоря о написаніи 4-го Евангелія, авторъ разсматриваемаго документа говоритъ: *Quartum evangelium Iohannis ex discipulis. Cogitantibus condiscipulis et episcopis suis dixit: conjunctate odie triduo, et quid cuique fuerit revelatum alterutrum nobis enuaremus. Eaden nocte revelatum Andraeae ex apostolis, ut recognoscentibus cunctis Iohannes suo nomine cunctu describeret*¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что писавшій эти строки утверждаетъ во-1-хъ, что Іоаннъ евангелистъ и апокалиптикъ—Іоаннъ апостоль, и что, во-2хъ, онъ написалъ свои оба произведенія въ М. Азіи; за первое говорятъ самыя писанія и выраженіе «*Iohannes ex discipulis*», между которыми былъ «*Andreas ex apostolis*»; что же касается втораго положенія, то пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи очевидно также изъ тѣхъ же произведеній упомянутаго апостола чего конечно не могъ не замѣтить и нашъ авторъ, и что подтверждается имъ самимъ, когда онъ говоритъ, что Іоаннъ совѣщался съ епископами. Когда и гдѣ Іоаннъ могъ имѣть совѣтъ съ епископами—какъ не въ концѣ своей дѣятельности и не въ М. Азіи? Главная роль, какая здѣсь приписывается Іоанну между учениками и епископами, свойственна ему только въ М. Азіи, а никакъ не въ Палестинѣ.

5) Болѣе замѣчательнымъ послѣ Иринея свидѣтелемъ малоазійскаго преданія объ Іоаннѣ является *Поликратъ* епископъ ефесскій, одновременно съ Иринеемъ писавшій Виктору римскому посланіе по случаю намѣренія послѣдняго „отсѣчь“ малоазійскихъ христіанъ отъ общенія за ихъ пасхальный обычай. Въ этомъ посланіи, отрывокъ изъ котораго сохранилъ намъ Евсевій въ своей церковной исторіи (V, 24), Поликратъ пишетъ:

¹⁾ По Гильгенфельду въ его статьѣ: «*Noch einmal d. Muratorische Bruchstück*». *Zeitschr. f. w. Theoi*. 1874 г. 2 Н.

„Въ Азіи погребены великіе началовожди, имѣющіе воскреснуть въ день пришествія Господня, когда облеченный славою Господь прійдетъ съ неба и воскреситъ всѣхъ святыхъ: Филиппа, одного изъ двѣнадцати апостоловъ, погребеннаго въ Іераполѣ, двухъ дочерей его, состарѣвшихся въ дѣвствѣ, и третью его дочь, посвятившую себя въ жизни св. Духу и почившую въ Ефесѣ,—также Іоанна, который возлежалъ на персяхъ Господа, былъ священникомъ и носилъ дщицу (*πέταλον*—головную повязку іудейскихъ первосвященниковъ), былъ исповѣдникомъ и учителемъ, и погребенъ въ Ефесѣ; равнымъ образомъ смирскаго епископа и мученика Поликарпа. Всѣ они праздновали Пасху по Евангелію въ 14-й день, ни въ чемъ не отступая отъ правила вѣры, но во всемъ держась его. Такъ поступаю и я, Поликрать, наименьшій изъ всѣхъ васъ, и поступаю по преданію своихъ родственниковъ, которыхъ былъ наслѣдникомъ. А изъ родственниковъ моихъ считается семь списковъ, я—восьмой... Вотъ уже мнѣ, братія, шестьдесятъ пять лѣтъ о Господѣ, я имѣлъ сношенія съ братьями во всей вселенной, прочиталъ все священное писаніе и угрозы не боюсь. Могъ бы я упомянуть и о соприсутствующихъ мнѣ епископахъ, которые созваны мною по вашему совѣту (по совѣту римской церкви): но если бы написать ихъ поименно, то именъ оказалось бы великое множество. Посѣтивъ меня низжайшаго, они одобрили мое посланіе, ибо знали, что я ненапрасно ношу на головѣ сѣдины, что я всегда жилъ въ Господѣ Исусѣ“.

Поликратъ по совѣту римской церкви собираетъ соборъ, на „угрозы“ той-же церкви пишетъ посланіе, „одобренное великимъ множествомъ“ епископовъ, въ которомъ пишетъ, что въ Іераполѣ—Филиппъ, въ Ефесѣ Іоаннъ—апостолы праздновали пасху по Евангелію, и посылаетъ наконецъ это посланіе угрожавшимъ епископамъ римской церкви и ея главному представителю Виктору. Такимъ образомъ ясно отсюда, что какъ великое множество епископовъ Азіи, такъ и вся римская церковь были вполне убѣждены въ истинѣ пребыванія ап. Іоанна въ М. Азіи; потому что съ одной стороны немисливо, чтобы цѣлый соборъ епископовъ Азіи рѣшился на намѣренный обманъ въ такомъ серьезномъ въ то время вопросѣ, зная, что „угрожавшая“ церковь непременно разслѣдуетъ, вѣрны ли самыя основы малоазійскаго обычая; съ другой—немисливо, чтобы вся Азія и вся церковь въ концѣ II-го вѣка вѣрила въ ложное преданіе, которое имѣло своимъ предметомъ весьма крупный и весьма важный для церкви фактъ, бывшій только за 70—90 лѣтъ ранѣе. Вѣдь не могли же всѣ эти малоазійскіе, и

римскіе, и галльскіе епископы выдумать одновременно небывалый фактъ и выдавать его за фактъ историческій, обманывая самихъ себя; и если они утверждаютъ этотъ фактъ, какъ несомнѣнный, то, очевидно, они получили его за такой отъ своихъ предшественниковъ и отцовъ, принадлежавшихъ къ поколѣнію конца I-го и начала II-го вѣка, а потому непосредственно знавшихъ достовѣрность разсматриваемаго нами факта ¹⁾.

¹⁾ Свидѣтельство Поликрата объ ап. Іоаннѣ возбуждаетъ будто бы нѣкоторыя сомнѣнія и недоувѣріе. Такъ онъ, между прочимъ, Филиппа, имѣвшаго дочерей, называетъ «однимъ изъ 12 апостоловъ» и погребеннымъ въ Іераполь, когда изъ книги Дѣяній извѣстно (21 гл.), что Филиппъ, имѣвшій четырехъ пророчествующихъ дочерей, былъ «одинъ изъ семи діаконовъ» и жилъ въ Кесаріи. Это противорѣчіе Поликрата въ его показаніяхъ относительно Филиппа показаніямъ о немъ же книги Дѣяній объясняютъ различно. Одни, какъ напр., Кеймъ и Шольтецъ, очень, какъ извѣстно, скупые на признаніе подлинности той или другой новозавѣтной книги, или того или другаго отдѣльнаго мѣста, въ данномъ случаѣ всецѣло довѣряютъ показанію книги Дѣяній, а въ показаніи Поликрата видятъ перенесеніе на діакона «титула апостола», и вслѣдствіе такой грубой ошибки со стороны Поликрата, выдающаго ее за истину, не даютъ никакой цѣны и его свидѣтельству объ ап. Іоаннѣ. Другіе, допуская также ошибку въ показаніи Поликрата о Филиппѣ, говорятъ, что онъ не могъ ошибаться относительно ап. Іоанна, погребеннаго, по его свидѣтельству, въ томъ городѣ, гдѣ онъ былъ преемникомъ по епископской кафедрѣ семи своихъ родственниковъ. Лейшнеръ (Das Evang. Joh. s. III). Нѣкоторые думаютъ, что въ Іераполь жилъ дѣйствительно діаконовъ Филиппъ, но онъ малоазійцами считался за апостола. Всѣ эти объясненія, допускающія смѣшеніе діакона съ апостоломъ, намъ кажутся не совсѣмъ вѣроятными, потому что не можетъ быть, чтобы Поликрать, «читавшій все священное писаніе», не зналъ о существованіи діакона Филиппа въ Кесаріи и слѣдовательно не мыслимо, чтобы онъ, перенеся его пребываніе въ Іераполь, переименовалъ его въ апостола. Напротивъ, изъ словъ Поликрата видно, что онъ какъ бы намѣренно, съ цѣлію различить діакона отъ апостола, называетъ Филиппа «однимъ не изъ 7 діаконовъ», какъ въ книгѣ Дѣяній, а «однимъ изъ 12 апостоловъ», подобно тому, какъ онъ называетъ Іоанна «возлежавшимъ на груди Господа» въ отличіе отъ всякаго другаго какого-нибудь Іоанна, напр. пресвитера. Болѣе вѣроятныя объясненія свидѣтельства Поликрата о Филиппѣ даютъ Лютардъ и особенно Штейцъ. (Trad. von Wirks. Apost. Joh. in. Ephes. Theol. Stud. und Krit. 1860.). Лютардъ не признаетъ самаго противорѣчія между свидѣтельствомъ Поликрата и показаніемъ книги Дѣяній, такъ какъ въ послѣдней говорится о четырехъ пророчествующихъ дочеряхъ Филиппа, Поликрать же о трехъ, изъ которыхъ двѣ уже умерли только въ дѣтствѣ, а третья была въ замужествѣ, какъ говоритъ объ этомъ и Климентъ Александрійскій (Strom. III). Діаконовъ Филиппъ жилъ въ Кесаріи и имѣлъ 4-хъ дочерей, а апостолъ Филиппъ жилъ въ Іераполь и ничто не заставляетъ предполагать здѣсь у Поликрата указаніе именно на Филиппа, упоминаемаго въ

6) *Климентъ Александрійскій*, умершій въ 1-й четверти II в., передаетъ прекрасный разсказъ объ ап. Іоаннѣ въ своемъ сочиненіи: „Какой богачъ спасется“. „Выслушай притчу, но это не притча, а истинное повѣствованіе, переданное ап. Іоанномъ и

Дѣянійхъ Апостольскихъ. Такимъ образомъ всѣ указанія до сихъ поръ мнѣнія оставляютъ неприкосновеннымъ показаніе книги Дѣяній относительно діакона Филиппа и его дочерей. Но еще въ 1829 году Целлеръ (*Die Apostelgesch.* 1829. s. 154) въ словахъ XX, 8. Дѣяній: *ὄντος ἐκ τῶν ἐπτά* при очевидномъ ихъ отношеніи къ VI, 52 той же книги, видѣлъ прибавленіе переписчика къ извѣстію очевидца. Въ недавнее время, это, намъ кажется, вѣроятное мнѣніе нашло себѣ подражателя и защитника въ Штейцѣ. Онъ видитъ прибавленіе не только въ словахъ: *ὄντος ἐκ τῶν ἐπτά*, но и названіе Филиппа *ὁ ἐβανγελιστῆς* считаетъ подозрительнымъ, такъ какъ во всемъ Новомъ Завѣтѣ слово «евангелистъ» почти не употребительно (только Ефес. IV, 11 и 2 Тим. VI, 5) и видитъ въ немъ также прибавку позднѣйшаго происхожденія, заимствованную изъ VIII, 12. 15 кн. Дѣяній. «Кромѣ того, говорить Штейцъ, въ XXI, 8. 9 скорѣе нужно признать апостола, такъ какъ онъ въ то время, когда Павелъ не нашелъ въ Іерусалимѣ ни одного апостола, но только Іакова и пресвитероѵ, потому что тѣ занимались своей миссіей въ другихъ мѣстахъ, могъ имѣть постоянное пребываніе въ Кесаріи, — скорѣе, чѣмъ одноименнаго съ нимъ діакона, который въ первенствующей церкви занималъ постоянную должность» (*Thad. v. Wirks. Joh.* s. 510). «При такомъ сомнительномъ положеніи вопроса, заключаетъ Штейцъ, показаніемъ Дѣяній нельзя пользоваться, какъ критической инстанціей противъ Поликрата» (is. 511). Конечно, объясненіе Штейца, какъ и всѣ перечисленныя нами выше, не можетъ претендовать на полную достовѣрность, но, намъ кажется, оно не лишено большой вѣроятности; очень могло случиться, что позднѣйшій переписчикъ, списывая самый текстъ книги, вносилъ въ него и сдѣланныя на поляхъ рукою читателя тѣ или другія замѣчанія. Во всякомъ случаѣ, примемъ ли мы объясненіе Лютарда, или Штейца, какъ болѣе вѣроятныя, достовѣрность свидѣтельства Поликрата относительно ап. Филиппа, какъ и показаніе его относительно ап. Іоанна, нисколько не страдаютъ. Кромѣ разобраннаго сомнѣнія, Шольтенъ указываетъ еще на *πέταλον*, который, по его мнѣнію, составляетъ анахронизмъ для апостольскаго времени (s. 74). Прекрасное объясненіе даетъ этому Неандеръ (*Geschichte d. Pflanz. u. s. w. V. II, s. 142*). Онъ говоритъ, что нельзя признать въ словахъ Поликрата относительно *πέταλον* того, чтобы Іоаннъ, какъ представитель всѣхъ малоазійскихъ церквей, для символическаго обозначенія своего церковнаго водительства послалъ на головѣ золотую повязку іудейскихъ первосвященниковъ; Поликрать, по мнѣнію Неандера, выразился здѣсь символически объ Іоаннѣ, желая обозначить этимъ то высокое положеніе Іоанна, какое онъ занималъ въ области церковнаго управленія. Что же касается самого Шольтена, то Ренау по поводу его замѣчанія говоритъ: «ранѣе III. говорилъ объ этомъ не то; онъ видѣлъ въ *πέταλον* и въ названіи, данномъ Поликратомъ ап. Іоанну—*τρεῖς*,—доказательство того, что этотъ апостольскій былъ главой іудействующей партіи въ Азій» *D. Antichr. s. 450*. Стоя на чисто субъективной точкѣ зрѣнія, Шольтенъ конечно можетъ придти еще къ третьему какому нибудь предположенію.

сохранившееся въ памяти“: такъ начинается свое повѣствованіе Климентъ („Какой богачъ спасется“, гл. 42 ср. Евс. Ц. Ист. III, 23). Такъ какъ этотъ разсказъ Климента, весьма поучительный самъ по себѣ, замѣчательнъ еще въ томъ отношеніи, что онъ въ немногихъ чертахъ рельефно передаетъ личныя свойства и особенности характера Іоанна, то мы считаемъ нелишнимъ передать содержаніе всего этого разсказа.

„Когда умеръ тиранъ (повѣствуетъ Климентъ), апостоль (Іоаннъ) съ острова Патмоса возвратился въ Ефесъ и, по приглашенію, посѣтилъ ближайшія области язычниковъ, частію для поставленія епископовъ, частію для устроенія цѣлыхъ церквей, а частію для принятія въ клиръ нѣкоторыхъ лицъ, указанныхъ св. Духомъ. Пришедши въ одинъ, недалеко отстоящій отъ Ефеса городъ, который называется и по имени, и утѣшивъ братій, онъ замѣтилъ между прочими юношу (думаютъ, что этотъ юноша былъ Поликарпъ), виднаго тѣломъ, пріятнаго лицомъ, чувствительнаго сердцемъ и, обратившись къ поставленному надъ всѣми епископу, сказалъ: этого я вѣрюя тебѣ съ особенною заботливостію, свидѣтельствуюсь предъ церковію и Христомъ“.

Послѣ этого Іоаннъ возвратился въ Ефесъ, а упомянутый епископъ, взявъ къ себѣ въ домъ порученнаго ему юношу, просвѣтилъ его крещеніемъ и, „полагаясь на печать Господню, дарованную юношѣ въ крещеніи, уже не обращалъ на него вниманія“. Между тѣмъ юноша, попавъ въ общество „развратныхъ и лѣнивыхъ сверстниковъ“, самъ предался порочной жизни,—образовалъ изъ своихъ товарищей шайку разбойниковъ, сдѣлался надъ ними начальникомъ и „насиліемъ, кровожадностію и жестокостію превосходилъ всѣхъ“. Вскорѣ послѣ этого Іоанну опять пришлось быть въ томъ же городѣ и онъ напомнилъ епископу о юношѣ; старецъ-епископъ заплакалъ и разсказалъ Іоанну обо всемъ, что случилось съ юношей. „Тогда апостоль разорвалъ свою одежду и, съ великою скорбію ударивъ себя по головѣ, сказалъ: „о, прекраснаго стража братской души лишился я“. Затѣмъ, сѣвъ на лошадь, онъ съ проводникомъ поѣхалъ на гору, гдѣ укрывались разбойники; передовая стража разбойниковъ схватила Іоанна и повела его къ своему начальнику. „Но только что Іоаннъ подошелъ—онъ узналъ его и отъ стыда обратился въ бѣгство; а апостоль погнался за нимъ, какъ могъ скорѣе, забывая свою старость.—Зачѣмъ, сынъ мой, ты бѣжишь отъ меня—твоего отца, человѣка безоружнаго и стараго?—взывалъ онъ. Будь милостивъ ко мнѣ, дитя мое, не бойся. Есть еще надежда жизни; я берусь отвѣчать за тебя предъ Христомъ и, если потребуется, я понесу твою смерть, какъ Господь понесъ нашу; за твою душу я отдамъ свою.

Остановись, вѣруй; Христось послалъ меня.—Услышавъ это, онъ сперва остановился и, потупивъ глаза, бросилъ оружіе, затрясся и залился слезами. Старецъ подошелъ; а тотъ, обнявъ его съ выраженіями величайшей скорби, началъ умолять о прощеніи и вторично крестился—въ слезахъ, только пряталъ правую свою руку. Но апостоль ручался и клялся, что онъ испросилъ ему прощеніе у Спасителя, умоляя его, палъ предъ нимъ на колѣна и, облобызавъ правую его руку, какъ уже очищенную покаяніемъ, увлекъ его снова въ церковь“. Послѣ этого Іоаннъ уже не поручалъ наблюденіе надъ „блуднымъ сыномъ“ никому, а самъ лично воспитывалъ его и „оставилъ его только тогда, когда онъ совершенно былъ возвращенъ церкви“.

Это повѣствованіе объ Іоаннѣ, не встрѣчающееся ни у Иринея, ни у Поликрата или Аполлонія, очевидно самостоятельное, заимствованное Климентомъ не изъ письменнаго источника, а изъ живаго устнаго преданія. „Климентъ, говоритъ Лютардъ, не только какъ человѣкъ литературно очень образованный, но также и чрезъ своего учителя Пантена († 189) и чрезъ свои далекія путешествія около 180—185 г. и свою дѣятельность въ Александріи находился въ тѣсной связи съ очень раннимъ временемъ II ст., такъ что онъ могъ сказать о себѣ, какъ о лицѣ, „стоявшемъ весьма близко къ преемникамъ апостольскимъ (περὶ ἑαυτοῦ δηλοῖ ὡς ἕγγιστα τῆς τῶν ἀποστόλων γενομένοι διαδοχῆς—Евс. Ц. Ист. VI, 13). Поэтому его свѣдѣнія о жизни Іоанна въ М. Азій основываются на такихъ извѣстіяхъ, которыя непосредственно соприкасаются съ періодомъ апостольскимъ“¹⁾.

7) *Тертуллианъ* († около 220 года) передаетъ, какъ мы знаемъ, новую черту изъ жизни ап. Іоанна, именно, онъ говоритъ, что ап. Іоаннъ былъ въ Римѣ, погруженъ былъ тамъ въ кипящее масло, но чудесно спасенный отъ неминуемой смерти былъ сосланъ на островъ Патмосъ.

8) *Оригенъ* († около 250) въ своемъ толкованіи на Евангеліе Матѳея²⁾ говоритъ, что Іоаннъ за проповѣдь слова истины былъ сосланъ римскимъ императоромъ на островъ Патмосъ, гдѣ онъ получилъ откровеніе, причемъ Оригенъ ссылается на преданіе: „ὡς ἡ παράδοσις διδάσκει“.

¹⁾ Iohan. Urspr. s. 48.

²⁾ Th. XXI, 6.

9) Наконецъ, *Евсевій* епископъ кессарійскій, „отецъ церковной исторіи“, для котораго были открыты не только всѣ существовавшія тогда на востокѣ христіанскія—частныя и общественныя бібліотеки, какъ самъ онъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей исторіи, но который пользовался еще, съ позволенія императора Константина, государственными и судебными документами, хранившимися въ общественныхъ архивахъ и относившимися до христіанъ, какъ видно изъ свидѣтельствъ объ этомъ блаженнаго Іеронима ¹⁾. „Этотъ весьма ученый, весьма образованный“, какъ называетъ его Іеронимъ ²⁾, этотъ „свидѣтель достойнѣйшій“, по словамъ Сократа (Ц. Ист. кн. 1), пребываніе и дѣятельность ап. Іоанна въ М. Азіи полагаетъ внѣ всякаго сомнѣнія и считаетъ это фактомъ вполне достовѣрнѣйшимъ, противъ дѣйствительности котораго во всей христіанской древности Евсевій не нашелъ и тѣни подозрѣнія и сомнѣнія. Все, что мы до сихъ поръ читали у того или другаго писателя относительно пребыванія и дѣятельности ап. Іоанна въ М. Азіи—все это заключается въ церковной исторіи Евсевія и со всѣмъ этимъ согласенъ ея авторъ; поэтому, считая вполне достаточнымъ одного этого согласія Евсевія съ Иринеємъ, Поликротомъ, Климентомъ и другими, мы не будемъ приводить другихъ его свидѣтельствъ относительно разсматриваемаго нами вопроса.

Мы не будемъ приводить свидѣтельствъ писателей V-го и послѣдующихъ вѣковъ, повторявшихъ въ своихъ разсказахъ частію тоже, что мы уже знаемъ изъ болѣе древнихъ источниковъ, частію апокрифическія сказанія, являвшіяся тоже въ болѣе или менѣе раннее время ³⁾. Мы думаемъ, что больше чѣмъ достаточно уже ука-

¹⁾ Catalog. scriptorum eccles. cap. 33 — Іеронимъ разсказываетъ, что когда императоръ Константинъ былъ въ Кесаріи и предложилъ Евсевію просить у него благодѣній для своей церкви, на это послѣдній отвѣчалъ: «церковь моя богата доходами и не нуждается въ пособіяхъ; но самъ я имѣю непродолимое желаніе, чтобы все, что только дѣлалось въ римскомъ государствѣ относительно святыхъ Божіихъ разными судьями, тщательно было розыскано въ общественныхъ архивахъ по царскому приказу и препровождено ко мнѣ».

²⁾ Противъ Руфина 2 кн.

³⁾ Такъ напр. Амвросій считалъ смерть ап. Іоанна только кажущейся (sermo 20 in Ps. 118), а Августинъ даетъ мѣсто въ своихъ твореніяхъ благочестивому сказанію о томъ, что ап. Іоаннъ не умеръ, а спитъ въ могилѣ, въ

занныхъ нами и разобранныхъ свидѣтельствъ, документовъ и разныхъ историческихъ данныхъ, чтобы считать фактъ пребыванія ап. Іоанна въ М. Азіи совершенно достовѣрнымъ, дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ. Отрицать историческую достовѣрность такого факта, какъ мало-азійское пребываніе ап. Іоанна, имѣющаго за себя самыя прочныя, самыя достовѣрнѣйшія свидѣтельства и свидѣтелей, какъ самъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ, Иринеи и Поликрата, отвергать самыя неопровержимыя историческія данныя, какъ споръ о Пасхѣ, какъ обычай малоазійскихъ церквей относительно времени празднованія Пасхи, обычай, мыслимый между христіанами изъ язычниковъ единственно только подъ условіемъ долговременнаго пребыванія среди ихъ великаго апостольскаго авторитета, положившаго начало и даващаго санкцію этому обычаю своимъ собственнымъ и неоднократнымъ примѣромъ, безъ чего рѣшительно непонятны и то ревнивое охраненіе его малоазійскими церквами въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, и тотъ великій, волновавшій всю церковь споръ о Пасхѣ, какія представляетъ исторія: при такихъ свидѣтельствахъ и историческихъ данныхъ отрицать пребываніе ап. Іоанна въ М. Азіи значитъ, какъ говоритъ Люкке, не признавать исторіи.

Считая вполнѣ рѣшеннымъ, и рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о пребываніи ап. Іоанна въ М. Азіи, съ полнымъ убѣжденіемъ въ совершенной достовѣрности этого факта, мы сдѣлаемъ въ заключеніе краткій обзоръ отдѣльныхъ событій изъ его малоазійской жизни, сохраненныхъ намъ преданіемъ. Оставивъ въ началѣ 60-хъ годовъ Іерусалимъ ап. Іоаннъ вѣроятно путешествовалъ съ ап. Петромъ въ Антіохію, вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Римъ, откуда послѣ чудеснаго избавленія отъ неминуемой мученической смерти прибылъ въ Ефесъ, посѣтивъ на своемъ пути островъ Патмосъ. Въ 95 году, въ концѣ царствованія Домиціана, или по распоряженію гражданской власти, или по личному расположенію и совѣту своихъ духовныхъ дѣтей, желавшихъ оградить своего старца—учителя отъ преслѣдованій во время воздвигнутаго

подтверженіе чего указываетъ на колебаніе земли, бывшее будто бы надъ его могилой вслѣдствіе дыханія славшаго (Tract. in Ioh. 124).

гоненія, ап. Іоаннъ перенесъ свое пребываніе на знакомый уже ему и спокойный островъ Патмосъ, откуда онъ черезъ годъ, именно по смерти Домиціана при Нервѣ возвратился въ Ефесъ, гдѣ, по общему преданію, онъ и умеръ и погребенъ около 100 года. Къ какому времени относятся передаваемые рассказы: Иринея о встрѣчѣ ап. Іоанна съ Керинеомъ въ банѣ въ Ефесѣ, Аполлонія—о воскрешеніи имъ мертвого, Климента Александрійскаго—о юношѣ разбойникѣ, ко времени ли Домиціана, или Нервы и Траяна, до „ссылки“ ап. Іоанна, или по возвращеніи его съ Патмоса—опредѣленнаго сказать ничего нельзя. Несомнѣнно одно, что ап. Іоаннъ дожилъ до глубокой старости, такъ что онъ, въ концѣ своей жизни, уже не могъ ходить самъ въ церковныя собранія, какъ передаетъ блаженный Іеронимъ ¹⁾, а его носили туда на своихъ рукахъ его ученики. Въ этихъ собраніяхъ своихъ учениковъ и дѣтей старецъ—учитель и апостоль любви, по преданію того же Іеронима, постоянно повторялъ заповѣдь, полученную имъ отъ своего Учителя и Бога: „дѣти мои, любите другъ друга!“—и когда его спрашивали, почему онъ повторяетъ одно и то же, онъ отвѣчалъ: „все будетъ исполнено, если только это одно исполните“.

И. Успенскій.

¹⁾ Comment. ad epist. ad Galat. c. 6.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки